

АНДРЕЙ ЗЕМЛЯНОЙ

Волшебник

Часть первая

Волшебник

Андрей Земляной

Волшебник

«Лениздат»

2022

Земляной А. Б.

Волшебник / А. Б. Земляной — «Лениздат»,
2022 — (Волшебник)

ISBN 978-5-907465-28-2

Старик проживший свою жизнь, после смерти получает предложение отправиться в прошлое, вселиться в подростка и ответить на два вопроса: Можно ли спасти СССР? Нужно ли это делать? ВСЕ афоризмы перед главами придуманы автором и приписаны историческим личностям которые в нашей реальности ничего подобного не говорили. Книга содержит нецензурную брань

ISBN 978-5-907465-28-2

© Земляной А. Б., 2022

© Лениздат, 2022

Содержание

Необходимое предисловие	5
Пролог	6
1 глава	10
2 глава	16
3 глава	25
4 глава	32
5 глава	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Андрей Земляной

Волшебник

Необходимое предисловие

Книга написана для развлечения и хорошего настроения, а не для глубоких раздумий о смысле цивилизации и тщете жизненных помыслов.

Магии в романе нет и не будет.

Действие происходит в альтернативном мире, а значит все совпадения с существовавшими личностями, названиями городов и улиц – совершенно случайны. Автор понятия не имеет, как управлять государством и как называется сменная емкость для боеприпасов.

Если вам вдруг показалось, что в тексте присутствуют так называемые «рояли», то вам следует ознакомиться с термином в энциклопедии и прочитать-таки, что это понятие означает, и не приставать со своими измышлениями к автору.

Ну а если вам понравилось написанное, знайте, что ради этого всё и затевалось.

Пролог

Генерал-лейтенант в отставке, Иван Александрович Гагарин, сидел на лавочке в Милютинском саду и довольно шурился, провожая взглядом бегающих по аллеям детей. Золотая осень в этом году выдалась как никогда тёплой, и Ивану Александровичу было даже чуть жарко в лёгком летнем пальто и шерстяном костюме.

Он немного ослабил узел галстука, закрыл глаза и откинулся на спинку лавочки, подставив лицо солнцу.

За девяносто два года Иван Гагарин успел увидеть столько, что хватило бы на три жизни, а может и больше. Родился и рос в маленьком городке на Донбассе, потом война, эвакуация санитарным поездом, гибель родителей под бомбёжкой и первая серьёзная школа в его жизни – филиал «Ленинской Технической», школа «Юность». Никаких гуманитарных наук, вроде ботаники или зоологии, а конкретные прикладные знания. Учили крепко. Три урока, затем физкультура два часа, потом ещё три урока и самоподготовка. Любые конфликты – под строжайшим запретом, а виновных сразу отправляли в закрытый интернат в Якутске.

Кого из них готовили? Да никого, если так разобраться. Скорее просто отработывали методики обучения, ну и подбирали тех, кто мог впоследствии перейти в ту же «Ленинскую Техническую», или пойти по линии многочисленных высших учебных заведений системы НКВД и министерства обороны.

Ивану повезло. Учился он хорошо, в конфликты не вступал, а когда на него «наехали» ответил так, что руководство так и не нашло виноватого, и даже сам наказанный не смог сказать, кто же в темноте нахлобучил его ведром с фекалиями. Конечно, опытные оперативники и контрразведчики мгновенно выяснили кто, что и зачем, но, и в этом был главный урок школы «Юность», если соблюдены общие правила – то можно. Многослойность. Так случилось и в тот день, когда местные хулиганы избили одного из учеников школы. Избили жёстко, едва не убив, а через неделю обоих обнаружили с перерезанным горлом. И вновь никого не нашли, а в личном деле Ивана Гагарина появилась справка от психиатра о полной нормальности и вменяемости подростка.

Позже, отучившись в военном училище, служил в разных местах и занимался в основном поиском тех, кто решил поднять своё благосостояние за счёт продажи секретов. Преподавал, а, выйдя в семьдесят девятом на пенсию в звании генерала, продолжил обучать и потихоньку пописывал мемуары, понимая, что они никогда не увидят свет.

Писал не для кого-то, а для себя, заново переживая самые яркие моменты жизни.

Вот и сейчас, сидя на лавочке в осеннем парке, он вспоминал, как в такую же яркую и тёплую осень подошёл к своей будущей жене с каким-то вопросом и как был поражён тонкой, фарфоровой красотой её лица...

Иван Александрович ещё раз улыбнулся и... умер.

Он не успел осознать момент перехода от физического существования к бестелесному. Перед ним всё так же был парк с яркой алой и жёлтой листвой, только вот самочувствие резко изменилось – не стало ни сильных, ни слабых болей, ни тянущего чувства в груди и прочих симптомов многочисленных болезней, накопленных к преклонному возрасту. Исчезли прохождение, не стало видно и слышно детей, и только невидимые глазу птицы создавали звуковой фон вместе с шелестом листьев.

Книжки о попаданцах он, конечно же, читал, и в большом количестве. А что ещё делать на пенсии? У внуков – правнуков своя жизнь, Вера давно покинула этот мир, так что ему только и оставалось – книги. Ситуацию Иван просчитал мгновенно, сочтя наилучшей тактикой подождать разъяснений, которые непременно будут.

– Для начала неплохо, – оценил диспозицию генерал и оглянулся. По пустой дорожке к нему шёл мужчина в элегантном костюме песочного цвета и таких же желтоватых замшевых туфлях. На голове у мужчины была белая широкополая шляпа, оттенявшая длинные волосы соломенного цвета, собранные сзади в хвостик.

– Я присяду? – учтиво спросил незнакомец и улыбнулся.

– Вы тут хозяин. – Гагарин улыбнулся в ответ. – Это мне пристало спросить у вас, могу ли я позволить себе сидеть в вашем присутствии.

– Что вы! – незнакомец негромко рассмеялся, показав идеально ровные зубы. – Это всё-таки ваше посмертное пространство. Я лишь чуть остановил его исчезновение.

Не меня выражения лица, он присел, окинул генерала долгим взглядом и кивнул каким-то своим мыслям.

– Вы, я думаю, уже поняли, что в том, оставленном вами мире, ваш путь закончен, но прожили вы славно, и мы не раз следили за вами с огромным интересом. Мало того, приготовили для вас, можно сказать, Ирий, – место, где вы, старые вояки, сможете подождать божественного суда. Но я хотел бы задать вам один вопрос, и, поверьте, он совсем не праздный.

– Слушаю, – коротко произнёс Гагарин.

– Скажите, а вот в Советском Союзе образца начала семидесятых годов можно что-то изменить, чтобы уберечь от катастрофы?

Иван Алексеевич задумался. Он много раз сам с собой рассуждал на эту тему, и решил, что тот вариант, что произошёл в реальности, оказался наилучшим, несмотря на потери исконно русских земель. Но вот можно ли получить более приемлемый результат? Ведь уже к семидесятому году торгашаи напроць подкупили всю партийную верхушку за импортные тряпки и технику, а те в свою очередь их прикрывали от угрозы уголовного преследования. Все были в доле. И даже обычный опер районного ОБХСС¹ ездил на личной машине. Конечно, время от времени кого-то сажали, но скорее для галочки, и посаженные выходили на свободу вполне обеспеченными людьми. Вся партийная верхушка сгнила полностью, а отдельные честные люди лишь подтверждали правило. Такая же история происходила и с директорами заводов, и с министрами – производственниками. Профсоюзы и ОРСЫ (отделы рабочего снабжения) имели собственные склады дефицита и чётко выстроенную систему распределения. Торговцы наполняли склады товаром, а директора распределяли дефицит, сделав его своеобразным премиальным фондом. За что? За приписки, списание брака и за прямые махинации. Заводы и предприятия втихаря поставляли ушлым торгашам неучтённый нигде товар, те его реализовывали, бывало, что и за валюту, ну и делились со своими благодетелями.

Таким образом образовалась плотная криминальная структура, пронизывающая всё советское государство сверху до низу – от Минторга, Минвнешторга и до ларька на пляже. Расплодилось также разные нелегальные производства, например, ювелирных изделий из похищенного с приисков золота.

Деньги в системе крутились огромные, сотни миллиардов рублей по тем ценам. И конечно в стране, где покупка обычных штанов, чуть-чуть отличавшихся от модели «дедушке уже всё равно», превращалась в настоящий бег с препятствиями, все мечтали как-то прильнуть к этому сверкающему источнику благополучия, чтобы выглядеть немного лучше, чем с довоенной открытки. Конечно, можно шить вещи в ателье, но там не занимались ни джинсами, ни модными куртками, а предлагаемые модели, как правило, выглядели невзрачно, без лоска, даже устаревшими. Иногда удавалось через знакомых попасть к частной закройщице, у которой всегда были свежие иностранные журналы и модные ткани.

Проблема касалась не только одежды, – всего! Если люди узнавали, что где-то «выбросили дефицит», например, батарейки, то, отпросившись с работы, бежали купить этот дефи-

¹ ОБХСС Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности.

цит, зачастую про запас. Весь этот хаос с поставками товаров был организован торговлей намеренно и ею же управлялся. При этом втихаря, через заведующего магазином, можно купить всё – от финской мебели до японской радиоаппаратуры. Торгаши, легальные и нелегальные, стали истинными хозяевами СССР тех времён, что бы по этому поводу не трубила пресса. Да и не нужна торгашам публичность. Им вполне хватало вилл на Рижском взморье и дач на побережье Чёрного моря ценой в несколько миллионов, и это при средней зарплате в стране в 120 рублей.

Правда, внешние приличия соблюдались жёстко. Директор магазина не мог себе позволить купить «Волгу». Нет, только Жигули, даже если у него денег хватало, чтобы обклеить стены. А вот начальник горторга уже ездил на Волге, но, как правило, скромного серого или кофейного цвета. На чёрных рассекали партийные функционеры, КГБ и высшее начальство.

Также нельзя было заявиться в городской ресторан одетым в дорогую джинсу. Ну, максимум позволялись импортные шмотки из соцстран. За соблюдением этих правил строго следили оперативники КГБ и ОБХСС и писали рапорта на тех, кто не соблюдал дресс-код или позволял себе неоправданные траты.

Для полного отрыва служили кабаки в Сочи, Ялте и других интересных местах. И хотя большинство людей в стране честно трудились, несли службу и вообще, жили, партийно-торговая ржавчина уже намертво въелась в тело страны, и весь этот гнилой клубок уверенно катился к обрыву.

– Я думаю, нет, – Иван Алексеевич покачал головой. – Если бы не было Хрущёва, то что-то можно было сделать, но проклятый кукурузник разгромил всё живое в нашем народном хозяйстве, оставив только то, что повязано с продажной верхушкой. К семидесятым годам уже вполне сформировалась торговая мафия в смычке с партийной, производственной и военной «элитой». Они все, фактически, уже сожрали СССР и думали только о том, как легально оставить наворованные миллионы своим детям и внукам. Плюс крайне низкая производительность труда, люмпенизация рабочего класса и огромные непроизводственные затраты привели к тому, что по состоянию на семидесятый год СССР уже был обречён.

– Ну а всё же, – собеседник генерала улыбнулся, – если на уровне командно-штабной игры?

– Не знаю. Ну, КГБ, конечно, всегда в деле. У них в целом всё хорошо, там умные ребята, так что они понимали, куда дело движется. ГРУ – тоже, но им хватало армейской текучки, они в политику не лезли, что им в итоге обернулось горькими слезами, а Краснознаменная милиция большей частью тоже повязана, за исключением, конечно, оперов угрозыска и низовых подразделений, так что некому проводить люстрации.

– Но неужели вы, с вашим опытом и знаниями, не придумаете какой-нибудь вариант?

– А к чему эти разговоры? – Иван Александрович пристально посмотрел на собеседника. – Неужели хотите засунуть меня в прошлое? Так я против. Ещё раз наблюдать, как твоя страна разлетается вдребезги, разорванная кучкой охреневших партийных бонз...

– Но неужели не хочется попробовать? – мужчина, который так и не представился, чуть прищурился. – Я полагал, что вы предпочитаете сделать и ошибиться, чем не сделать и сожалеть.

– Оно так. Но и в бессмысленные драчки не влезал, – проворчал генерал.

– Да ладно! – мужчина громко рассмеялся. – А когда вы один вышли против восьмерых? Вы же не могли знать, что по улице приближается группа офицеров. Как вы тогда подумали? Троиш-четверых завалю, а там и помирать не обидно.

– Вы в раю змеем не подрабатываете? – произнёс Иван Алексеевич и задумался. – А сколько мне будет в семидесятом?

– Да сколько хотите. Хоть сохраните свой нынешний возраст, но я бы не рекомендовал.

– Это понятно, – Иван Алексеевич мысленно быстро перебирал варианты, но ничего не приходило в голову.

«Да, чёрт возьми! – вдруг подумал он и провёл ладонью по лбу. – Что я теряю, в конце-то концов? Может и страну не спасу, но уж точно хуже не будет». Он посмотрел в глаза собеседнику и кивнул:

– Я согласен. Возраст лучше лет пятнадцать – четырнадцать. И конечно память обо всём окружающем и вообще основные моменты.

– Это понятно, – мужчина кивнул. – Реципиент вам подобран неплохой. Парень неполных пятнадцати лет, его сбила машина с пьяным водителем за рулём. Без вмешательства умрёт от кровоизлияния в мозг через три минуты после удара. Папа инженер-авиастроитель, мама химик – технолог, оба работают на авиационном заводе «Кулон»². Парень хороший, но не повезло ему. Занимался спортом, гимнастикой и боксом, в принципе, мог бы отпрыгнуть, но засмотрелся на девчонку... – незнакомец виновато развёл руками.

– Кстати, если у вас всё получится, я имею в виду сохранение СССР, ну хотя бы в составе трёх базовых республик, у меня для вас будет достаточно ценный приз. Ну, а нет – проживёте ещё одну жизнь, надеюсь не последнюю, – он улыбнулся. – Ну что, поехали?

– Поехали.

² Московский машиностроительный завод «Кулон» – головное предприятие ОКБ Павла Сухого

1 глава

Перед тем, как приступить к задаче, вы должны определиться, хотите ли вы её решить, или хотите сломать.

Алексей Михайлович Сурнин (тульский мастер оружейного дела, прототип главного героя произведения Н. С. Лескова «Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе»).

Боевые действия патриотов.

Ханой. (ТАСС). Народные вооруженные силы освобождения Южного Вьетнама (НВСОЮВ) продолжают вести активные боевые действия против американо-сайгонских войск и их союзников, нанося им большие потери в живой силе и технике. Как сообщает агентство ВИА, ссылаясь на агентство печати Освобождение, более 35.000 солдат и офицеров противника были выведены из строя подразделениями НВСО в период ожесточенных боев в мае. Кроме того, южновьетнамские патриоты сбили в воздухе и повредили на земле много самолетов и вертолетов, уничтожили 700 машин и другую боевую технику противника

Нью-Йорк, (ТАСС). Постоянный представитель Иордании при ООН Фарра направил председателю Совета Безопасности письмо, в котором по поручению своего правительства обращает внимание на израильское нападение на иорданский город Ирбид. 1 июня 1970 года, говорится в письме, израильские вооруженные силы подвергли артиллерийскому обстрелу город Ирбид с оккупированных ими сирийских Голанских высот. В результате этого преднамеренного нападения имеются человеческие жертвы, нанесен материальный ущерб.

«Правда», 5 июня 1970 года

– Скорую! Вызовите скорую! – Женский голос, визгливый и громкий, словно штопор вкручивался в голову, которая, судя по всему, и так была не в порядке. Ощувив себя лежащим на асфальте, Иван Александрович поднял руку и аккуратно коснулся головы. Он вдруг уже откуда-то знал, что теперь его имя Виктор Петрович Николаев. Всё выглядело не так уж плохо. Ссадина, конечно, присутствовала, но не страшная, больше похоже на шишку. Он помассировал голову ладонью, опираясь ладонью о дорогу, сел и осмотрелся. Вокруг стояла толпа из десяти человек, одетых сообразно этому времени. На мужчинах брюки и рубашки, женщины – в простых платьях. Обувь у всех, даже у девушек, явно видала лучшие дни. У многих в руках матерчатые сумки – авоськи, в которых тогда таскали всё на свете, даже учебники.

– Сейчас, парень, – произнёс полноватый мужчина в коричневом костюме, светлой рубашке и широком галстуке неопределённого цвета. – Я скорую вызвал.

– Спасибо, не нужно скорую, – Виктор встал и, проверяя баланс, чуть качнулся из стороны в сторону. – Точно не нужно.

– Ты смотри, это дело опасное, – мужчина покачал головой. – Сначала вроде всё нормально, а после люди ложатся и не встают.

Виктор посмотрел налево. Там, чуть перекосившись из-за колеса, въехавшего на высокий тротуар, стоял грязный и неухоженный ЗиЛ-130 голубого цвета с распахнутыми дверьми. На подножке, обхватив голову руками, сидел мужчина в засаленной рубашке, штанах и в кепке, низко надвинутой на лоб.

Не обращая внимания на людей вокруг, парень подошёл к мужчине и пальцем приподнял козырёк кепки, чтобы открыть лицо.

– Ты водитель?

– Ну... – мужик кивнул, и Виктор явственно ощутил запах алкоголя.

– Слышишь, урод, ты понимаешь, что чуть не убил меня? – парень чуть присел, чтобы видеть глаза мужчины. – Меня и ещё кучу народа: моих родителей, свою семью, которым пришлось бы дальше как-то жить, понимая, что их родич по пьянке задавил человека. Ты даже не обезьяна. Ты просто сраный обмылок, – Виктор вбивал слова, словно гвозди. – Надеюсь, ты до конца дней будешь ходить пешком и больше никого не угробишь.

Он повернулся спиной к водителю и увидел, как, расталкивая людей в стороны, в толпу врезаются два милиционера в серой форме, недавно введённой приказом министра Щёлкова вместо синей.

– Игнатов, опроси людей, составь протокол, – бросил капитан, и шагнул к Виктору. – Это тебя он?

– Да, товарищ капитан, – Виктор кивнул, – но удачно. Я рукой успел голову прикрыть и чуть отвернулся, иначе въехал бы башкой в столб. Я и так дурак, а тут такое дело...

– Шутишь. Это хорошо, – капитан кивнул, – но в больничку, всё одно, поезжай. Пусть посмотрят, рентген сделают или ещё чего. Травмы головы – они коварные.

Как раз в это время коротко гуднула сирена скорой, и бело-красная 21-я Волга – фургон притёрлась к тротуару. Два врача в белых халатах поверх одежды выскочили из машины, и капитан движением руки привлёк их внимание.

– Здесь потерпевший. Забирайте, – он качнул головой в сторону Виктора.

Медики быстро осмотрели голову и, посадив парня в машину, двинулись в сторону больницы скорой помощи. Ехали недолго. Через пятнадцать минут машина вкатилась в тенистый двор БСМП, и Виктора завели в приёмный покой.

Отпустили быстро. Убедившись, что кровоизлияния нет, обработали рану и даже не стали накладывать повязку, так что домой, в просторную квартиру на Ленинградском проспекте, он добрался, не сверкая бинтами, а вполне нормально.

Квартира встретила тишиной и знакомым сладковатым запахом. Он скинул ботинки и прошёлся по дому. Спальня родителей, его комната и зал обставлены не самой лучшей, но вполне приличной мебелью производства Венгрии и ГДР. Везде стояло много книг, особенно технической литературы и фантастики, которую в это время купить совсем непросто. А пахло в доме магнитофонной плёнкой, которая стояла на стеллажах в огромном количестве. Джаз, блюз, классика и даже французский шансон, который очень любила мама Виктора.

Отец работал одним из ведущих конструкторов КБ Сухого, и занимался системами управления самолётов. Поскольку боевые машины массово шли на экспорт, то ему вместе с бригадой ремонтников часто приходилось выезжать в соцстраны, где платили хорошие командировочные, и можно было привезти технику, одежду и даже мебель. На такое место всегда существовала масса претендентов, но Пётр Алексеевич Николаев был не только высококлассным инженером, он ещё умел договориться хоть с чёртом, хоть с Богом, и знал пять языков, включая немецкий, английский, испанский, чешский и польский, что делало его действительно незаменимым. Очень часто руководство Минавиапрома и Аэрофлота приглашало его в состав советских делегаций на переговоры по вопросам закупки гражданских самолётов и запасных частей.

Мама Виктора тоже была непростым химиком. Специализируясь на полиамиде, она работала над композитными материалами, которые медленно, но верно проникали в авиационную и космическую промышленность. По этой причине в доме у Николаевых стояло множество моделей самолётов от заводских моделистов, кусков разных тканей и прочего мелкого

барахла с работы, из-за чего гостей к себе Николаевы почти не приглашали, делая исключение только для пяти – шести человек, проверенных и надёжных.

Ещё одной страстью Петра Алексеевича стал джаз, поэтому в доме было полно пластинок и магнитофонных записей. Аппаратура, стоившая немало даже по западным меркам, занимала главное место в зале: катушечный магнитофон «Сони», проигрыватель пластинок «Блаупункт» и телевизор, немецкий «Грюндиг», с небольшим цветным экраном, который смотрели редко, предпочитая вечерами слушать музыку.

С родителями прежний хозяин тела не очень ладил. Те вели себя жёстко и не понимали, почему их сын принимает в штыки любые попытки командовать им. Отношения в семье давно зашли в хорошо огороженный тупик. Виктор не давал родителям поводов вмешиваться в свою жизнь, а они делали вид, что всё идёт как надо.

В комнате у парня всё было скромно, но тоже довольно элегантно: узкий платяной шкаф за дверью, кровать – полуторка, секретер, пара кресел, небольшой журнальный столик со старым радиоприёмником «Телефункен» 1935 года, стеллаж с книгами и в углу боксёрская груша с промятыми боками. Как видно, прежний хозяин лупил по ней от души.

На стеллаже слева расположился маленький профессиональный кассетник «Сони» и пара коробок с компакт-кассетами. Витя не глядя выхватил из коробки кассету, открыв крышку, воткнул её в кассетоприёмник и нажал кнопку «play». В комнате негромко зазвучали первые такты вступления к альбому Битлз «Оркестр Клуба Одиноких Сердец Сержанта Пеппера».

Музыку бывший генерал любил и прекрасно разбирался в звуковой электронике, поэтому кивнул, словно здоровался со старыми знакомыми, и подошёл к зеркалу платяного шкафа. Рост у реципиента был почти такой же, около метр восьмидесяти пяти, сложение крепкое. Виктор скинул испачканную рубашку на пол и довольно улыбнулся. В зеркале отразилось прекрасно тренированное тело, с развитыми мышцами и образцовым рельефом. Реакцию и координацию ещё нужно будет проверить, но в целом всё не просто хорошо, а отлично. Лицо правильное, мужественное, не карамельный красавчик, но вполне тянет на героя – любовника. Зубы... – он шагнул ближе к зеркалу, – вроде в порядке. Пломб не видно.

Подняв с пола рубашку, Виктор покачал головой – это уже не починить. Он скатал ткань в плотный комок, и, пройдя на кухню, затолкал бывшую рубашку на самое дно мусорного ведра. Штаны – вольная импровизация немецких швейников на тему джинсов, только из плотной диагонали³, практически не пострадали, и парень быстро привел их в порядок, смахнув пыль и застирав пару пятен.

Приняв душ и переодевшись, Виктор сел в кресло и расслабился, просматривая доступную ему память бывшего жильца тела и дома.

Жил комсомолец Николаев пятьдесят пятого года рождения самой обычной жизнью московского школьника. Учился в 144 средней школе, одной из лучших в столице, но не потому, что его устроили сюда, а просто жил рядом. Учился хорошо, на четвёрки и пятёрки, с девочками особых шашней не разводил, и собирался поступать в МАИ. Точнее, это папа собирался «поступить» сына в авиационный институт, а мнение самого Виктора никто и не спрашивал.

Пока родителей не было дома, можно было спокойно задуматься о будущем и о возможных путях решения поставленной задачи, хотя он не представлял себе, как взяться за этот воз проблем, не решаемых с момента зарождения советского государства. Тут и национальный вопрос, и вопрос окраин, которые не желали работать, а желали хорошо жить, и многое-многое другое.

Повторная молодость, так неожиданно приобретенная, сама по себе была роскошным подарком. Виктор подвигал чуть затёкшей шеей, и, покопавшись в памяти того, прежнего парня, понял, что рядом с домом есть неплохая спортивная площадка, вроде бы принадлежа-

³ Диагональ – вид ткани.

щая школе, но которой могли пользоваться все желающие, благодаря замечательному учителю физкультуры 144 школы Гусеву Вениамину Алексеевичу, участнику войны и энтузиасту физической культуры и спорта.

Переодевшись в спортивный костюм и лёгкие тапочки⁴, Виктор повесил ключ на шею и, захлопнув дверь, шагнул к лифту.

На спортплощадке почти никого не было. Это позже, когда станет чуть прохладнее, сюда выйдут любители баскетбола, футбола и ещё те немногочисленные физкультурники, что любят качаться на брусьях, турниках и других немудрящих тренажёрах. А сейчас здесь только седой старичок Сергеич, мерно шуршащий тапками по гравию беговой дорожки, да стайка пионеров, гоняющихся друг за другом по полосе препятствий.

Разогрев мышцы коротким комплексом тай-чи, Виктор пробежал пять кругов по дорожке, а когда пионеры ушли, пару раз прошёл полосу препятствий, пробуя разные приёмы, которые когда-то подсмотрел у трейсеров⁵. Тогда он сильно жалел, что свободное перемещение на поле боя не преподавалось в советских военных училищах, а ему уже было поздно скакать по препятствиям, но сами способы прохождения он запомнил.

Тело хорошо откликалось и, судя по всему, имело большой резерв по скорости, но Виктор не нагружал организм до предела.

Позанимавшись пару часов, вернулся домой, и, достав по пути из почтового ящика пачку газет, поднялся в квартиру, предполагая, что почитает советскую прессу за ужином, но холодильник встретил искусственной стужей и пустотой. Ну не совсем шаром покати: были яйца, сметана, колбаса, остатки вчерашних макарон и что-то ещё неопознанное, с пробивающимися ростками новой жизни, но вот конкретно еды – не было, и Виктор, подхватив авоську и взяв денег из серванта, направился в гастроном.

На Ленинградском рядом с райпищеторгом находился один из «парадно-выставочных» гастрономов, так что продукты здесь «выбрасывали», но и набегали толпы народа, что скупали московские деликатесы с целью отвезти их в провинцию. В основном брали то, что не испортится за пару – тройку дней в пути: копчёную колбасу, шоколад, и деликатесные консервы. Виктор же взял два килограмма говядины, картошку, пряности, выбор которых оказался совсем невелик, и другие продукты, заплатив в общей сложности четыре рубля восемнадцать копеек.

Родители приезжали где-то к девятнадцати, и у Виктора было время приготовить отбивные, пюре, салат и компот из яблок, неведомо как завалившихся в ящике под мойкой. Всё заняло меньше часа, и Виктор уже заканчивал ужинать, когда открылась входная дверь.

– Мы дома! – громко произнесла мама, и в прихожей послышались звуки снимаемой обуви.

– А чем это таким вкусным пахнет? – Пётр Алексеевич, высокий широкоплечий мужчина с ранней сединой, одетый в приличный светло-серый костюм от «Большевички», зашёл на кухню и удивлённо покачал головой. – Да неужто? – и как-то по-особенному взглянул на сына. – Спасибо, не ожидал.

– Чего уж сразу, – Виктор пожал плечами, – а вдруг тебе не понравится? Так что садитесь есть, а спасибо потом скажете.

– Ох, ничего себе! – Тамара Анатольевна Николаева, подтянутая моложавая женщина тридцати восьми лет, по-хозяйски вошла на кухню, и, подхватив вилку, одним движением наколола ломтик помидора из салатницы, прожевала, кивнула, затем той же вилкой подцепила кусочек мяса, забросила в рот, удивлённо округлила глаза и, практически не прерывая движения, зачерпнула пюре.

⁴ Это не домашние тапочки. Спортивные тапочки СССР были плотной обувью, типа кроссовок, но с тонкой подошвой, похожие на шиповки, только без шипов.

⁵ Трейсер – человек, занимающийся так называемым «паркурром», искусством рационального перемещения и преодоления препятствий, как правило, в городских условиях.

– Однако, – она с весёлым изумлением посмотрела на мужа, – Петя, может ну его, этот МАИ, отдадим парня в кулинарный техникум?

Виктор у себя в комнате разложил газеты, и внимательно прочитал всё от первой до последней страницы. «Правду», «Известия», «Вечернюю Москву», «Литературную газету» и «Науку и Жизнь», толстенький журнал половинного формата. Всё было как обычно. Социализм строился, вот-вот и построим, ещё больше надбёв, ещё больше металла, и вообще всего, а особенно выполнения и перевыполнения планов. В общем, везде флаги, транспаранты и светлые лики членов Политбюро Центрального Комитета Партии, да-да, тех самых членов, что в девяностые за два года полностью разворовали всю немалую кубышку КПСС, копившуюся почти семьдесят лет.

За годы советской власти они так обросли семейными, политическими и экономическими связями, что представляли собой фактически одну огромную семью, приватизировавшую шестую часть суши. И что было делать с этим многоглавым и многоруким кадавром, было совершенно непонятно.

– Ты не занят? – приоткрыв дверь, в комнату заглянул Пётр Алексеевич.

– Нет, – Виктор сгрёб прессу и вопросительно посмотрел на отца.

– Я по поводу поступления, – он присел в кресло. – Сам-то ты чего хочешь?

– Пап, я сильно сомневаюсь, что из меня можно сделать хорошего инженера или химика.

Это вот то, что я знаю. А чем я хочу заниматься конкретно – не имею ни малейшего понятия. Возможно, послужу в армии и как-то определюсь, возможно, за оставшийся год учёбы в школе что-то придумаю, но пока мыслей нет. А что за срочность в моём поступлении? – Виктор прямо посмотрел в глаза отцу.

– Ну, надо же переговорить с людьми, – тот виновато развёл руками.

– Ничего не нужно. Точные науки я и так сдам на отлично. Возможны варианты на сочинении, но это я за год решу. Да и остальные предметы подтяну до общего балла, так что можешь не переживать.

– Да я не за это переживаю, – Пётр замялся.

– Давай я попробую разложить ситуацию, – Виктор улыбнулся, – ты сейчас просто переживаешь, что мало уделял мне внимания, и хочешь гиперопёкой и повышенным вниманием компенсировать это. Но при этом забываешь, что в твоём порыве контролировать меня и мою жизнь – прямое желание прожить мою жизнь вместо меня.

– Неожиданно! – Пётр Алексеевич, покачал головой. – Неожиданно ещё и тем, что очень умно и по делу, – он улыбнулся и ладонью взъерошил волосы сына. – Но, ты прав, не буду больше приставать, но, если надумаешь поступать куда-то по инженерному профилю, дай знать. Может чем и помогу.

В отпуск глава семьи выбирался, когда получалось выделить окно в многочисленных делах, и не всегда это выпадало на лето. Но в этом сезоне им повезло. Удалось согласовать оба отпуска в августе и взять путёвки в Гурзуф, в пансионат от авиапрома. Но перед этим, Виктору ещё предстояло съездить на три недели в пионерский лагерь на Учинское водохранилище.

Никакого пиетета к пионерской романтике Виктор не испытывал и к будущей поездке отнёсся спокойно. Нашёл на антресолях небольшой чемодан, который было не жалко угробить, и, не слушая советов родителей, что старались снарядить его как на северный полюс, уложил туда пару штанов, пяток самых простых рубашек, сандалии, шорты и мыльно-рыльное барахло. Ещё взял на всякий случай фонарик, перочинный нож и кусок верёвки для сушки одежды, а в спичечный коробок положил намотанные на картон нитки и пару иголок. Такой набор можно было купить в «Военторге», но ехать ради такой мелочи не хотелось. Ещё он

отжал у мамы старые лайковые перчатки и, обрезав пальчики, получил неплохую защиту для рук, чтобы отрабатывать удары.

– А почему не берёшь новые кроссовки? – спросил отец.

– А зачем? – Виктор пожал плечами. – Красоваться перед сверстниками глупо, завлекать тапками девочек ещё глупее. А если кого-то переклинит, он захочет их украсть и попадётся? Получается, я буду виновником того, что у человека вся жизнь может пойти под откос из-за такой ерунды. Так что похожу в кедах и в сандалиях, Виктор показал на пакет с купленными накануне полукедами подмосковного завода «Кимры» и сандалиями от «Скорохода».

– А деньги?

– А деньги будут лежать в двух местах, – Виктор показал кармашек с внутренней стороны штанов, – здесь пять рублей рублями и мелочь, а в чемодане под подкладкой, ещё четвертак пятёрками.

– Хм, Пётр Алексеевич покачал головой. – Такое ощущение, что ты каждый год по пионерлагерям только и ездешь.

– Да разговорился я тут с одним старичком, – Виктор улыбнулся, – он и насоветовал. Так что я пользуюсь чужой мудростью. Ещё бы дождевик, но у нас такой штуки не водится, а в магазинах не нашёл.

– Дождевик... – произнёс Пётр Алексеевич и обернулся в сторону спальни, – Тома, у тебя вроде тонкий авизент был?

– А вам зачем? – одетая в домашний халат, мама Виктора тоже вошла в комнату.

– Да вот, подумал, что можно дождевик сделать. Работы там всего ничего, а Витьке пригодится.

– Есть даже лучше, – Тамара негромко рассмеялась, – тонкий дакрон тёмно-зелёного цвета. Пять квадратов. Хотела тент сшить, да всё руки не доходят. Тебе как нормальный плащ?

– Да просто сложить пополам, проделать дырку для головы, типа пончо, а к дырке пришить капюшон.

– Оригинально, – оценила Тамара и кивнула, – сейчас будет.

Дождевик получился просто замечательным: лёгким, плотным и удобным. Сложив его в чемодан, Виктор подумал, что неплохо ещё сшить дорожную сумку, и с этой мыслью заснул. Завтра рано вставать.

2 глава

В сущности, процесс познания мира – это лишь поиск решений возникающих вопросов.

Михайло Ломоносов.

Экипаж космического корабля «Союз» находится в орбитальном полете четвертые сутки. На 11 часов 07 минут московского времени 5 июня корабль совершил 40 оборотов вокруг Земли.

Одним из технических экспериментов, который выполнялся в течение 48-го и 49-го витков полета, являлась проверка точности одноосной ориентации корабля с учетом гравитационных и аэродинамических возмущений. С этой целью космонавт Николаев вручную сорентировал корабль таким образом, что его поперечная ось, лежащая в плоскости панелей солнечных батарей, оказалась направленной на Солнце. Вслед за ним он произвел закрутку корабля относительно этого направления.

В дальнейшем ориентация корабля поддерживалась автоматически с использованием датчиков угловой скорости и двигателем ориентации. В процессе эксперимента проводилась киносъемка перемещения изображения Солнца на экране. На последующих витках полета товарищи Николаев и Севастьянов выполняли эксперименты по определению параметров орбиты с использованием бортовых средств.

Полет космического корабля «Союз-9» продолжается.

«Правда», 7 июня 1970 года

Петр Алексеевич ездил на «Волге-24», положенной ему, как крупному инженеру – обронщику. Краску для неё он привёз из Финляндии, и теперь невзрачная, когда-то серая Волга щеголяла тёмно-зелёным цветом с металлическим жемчужным отливом, на месте ярославских шин красовались настоящие «финмиллер»⁶, а двигатель при нажатии педали газа отзвучивал солидным стопятидесяти сильным гулом. Машину он переделал вместе со знакомыми слесарями и станочниками, а затем показал парочке друзей из Комитета Госбезопасности. Те, сразу заинтересовавшись, пробили тему через министра Авиапрома, и теперь завод потихоньку модернизировал по одной-две машины в месяц, закрывая тем самым полностью тему по товарам народного потребления. И всем стало хорошо, поскольку высокотехнологичный завод больше не занимался выпуском всякого барахла из отходов, а делал полезное дело, зарабатывая дополнительные средства в премиальный фонд и оказывая ценные услуги уважаемым людям, что весьма ценно, ведь от Комитета можно ждать как добра, так и разных подлянок, на которые те великие мастера. Например, могли поймать заводскую охрану на нарушении регламента и прислать комиссию по расследованию этого чудовищного преступления. И так до бесконечности. Но и завод мог ответить неприятностями, так что люди взрослые и ответственные предпочитали дружить и по пустякам никого не напрягать.

На этой Волге семья быстро добралась до площади у Кировских ворот, где собирали детей для отъезда в лагерь, и Виктор с трудом поскорее отправил родителей обратно домой.

Пётр молча вёл машину, внимательно следя за дорогой, и временами поглядывал на жену.

– Ты чего такая нахохленная?

⁶ Семейство шин компании Nokian

– Да нет, – Тамара отмахнулась, – просто думаю. Я же его, крошечным, ещё недавно на руках таскала. Он у тебя ровно на двух ладонях помещался. А сейчас вдруг оглянулась, – а он уже взрослый мужик.

– Ну, уж, скажешь тоже... – Петр хохотнул.

– Не смейся. Женщины это очень остро чувствуют. Мы с тобой, занятые работой и собой, просто прозевали момент, когда он вырос. А ты знаешь, что он бегаёт по утрам?

– И давно? – удивился Пётр.

– Не знаю, – Тамара покачала головой. – Увидела в окно, как он возвращался. Знаешь, у него на столе лежит раскрытый учебник по политэкономии социализма. Не помню только – твой, или мой. Он реально серьёзный и думающий человек, а мы к нему – как к ребёнку.

– Значит нам нужно переделать управляющий контур. – Серьёзно ответил отец семейства.

– Или вообще его убрать. – Добавила Тамара.

Виктор знать не знал об этом разговоре, хотя конечно догадывался, что родители так или иначе будут его обсуждать. Они действительно отделились друг от друга за то время, пока в его крови бушевали подростковые вихри, и подмена личности, скорее всего, ими не замечена. Да и не стали бы ТЕ затевать такую операцию, если бы она могла развалиться от подобного пустяка.

На площадке, где стояли десять ЛАЗ 695, толпился разномастный народ: дети, родители, вожатые, техперсонал лагеря, и надо всем этим висел гул, словно сразу несколько самолётов прогревали турбины. Дети орала и скакали, родители орала на детей, педагоги орала на родителей, в общем, – все при деле. По возрасту Виктор должен был попасть в первый отряд, и он уверенным шагом направился к группе подростков у таблички с цифрой «1».

– Фамилия? – спросила девушка, помощник вожатого, сидевшая на лавке с тетрадкой на коленях.

– Николаев, – ответил Виктор и положил перед ней путёвку.

– Ага. Есть такой. Чемодан свой давай в первый автобус. Отъезжаем через час. Далеко не отходить и не теряться!

– Я уж не потеряюсь, – негромко произнёс Виктор.

Девушка подняла голову, явно собираясь сказать нечто злое, но, наткнувшись на острый, насмешливый взгляд, осеклась и что-то едва слышно пробурчала.

Первый отряд состоял из двадцати шести человек, и почти все уже были на месте.

Виктор познакомился со своими будущими одноотрядниками, отнёс вещи и присел на лавочку, собираясь почитать прихваченную с собой книгу Станислава Лема «Сумма технологии». Книга как-то выпала из его внимания в первую жизнь, но сейчас, зацепившись за первые строки, он серьёзно заинтересовался идеями, изложенными в трактате.

– Что читаешь? – одна из девочек, высокая, нескладная и угловатая, Катя Егорова, подошла и плюхнулась на лавку рядом с ним. – Станислав Лем? Фантастикой увлекаешься?

– Это не фантастика, – Виктор закрыл книгу, лишь глянув на номер страницы, – это скучный философский трактат.

– Скучный? – девочка рассмеялась, – зачем тогда читаешь?

– Чтобы стать умным, – улыбнулся Виктор. – Чем больше умных книг прочитаешь, тем умнее станешь.

– А зачем становиться умным? – спросила другая девочка, Вера Шимановская, присаживаясь с другой стороны.

– Ну это вам, барышням, ум ни к чему. Косметика, чулочки, каблучки, причёска, игривый взгляд – вот собственно и всё. А мужчинам многое нужно. В конце концов именно мы оплачиваем вашу косметику, чулочки и каблучки. А мозги, конечно, не гарантируют высо-

кую зарплату, но сильно облегчают задачу по её получению. Вот, Бобби Фишер, слышали про такого? Шахматист американский. Давно уже миллионер. Да и наши шахматисты не бедствуют. Или вот, к примеру, академики тоже очень прилично зарабатывают. Так что есть прямой резон быть умным. Это же и возможность выбрать даму по сердцу. Думаю, какая-нибудь избалованная красотка не согласится жить в общежитии. Ну, первое время – ещё возможно, а лет через пять, вопрос квартиры встанет во весь рост. И что тогда делать, если нет денег?

– Что делать? – Сзади подошла ещё одна девушка, Светлана Тихонова, и нагнулась так, что её голова практически касалась Виктора, а губы оказались возле уха.

– Зарабатывать. – Виктор пожал плечами. – Социализм построен на материальной заинтересованности граждан, и деньги играют очень важную роль. Поэтому каждое утро, народ ломится в автобусы, троллейбусы и прочие телеги, чтобы ехать на работу и добывать денежки.

– А ты на что хочешь потратить свои денежки? – Лукаво улыбнувшись, спросила Катя Егорова и поправила локон, мгновенно превращаясь из угловатой девочки в интересную девушку. Виктор никак не мог понять природы этого волшебства, что не мешало ему восхищаться как самим процессом, так и результатом.

– Как и все. Хороший большой дом, любимая женщина, дети... Но, это ещё очень нескоро. Думаю, лет через тридцать.

– Тридцать! – Вера Шимановская громко фыркнула, словно кошка, и томно повела спиной, давая возможность рассмотреть себя. – Мы уже старухами станем!

– Подрастут другие, – пожал плечами Виктор, – я никуда не тороплюсь. Это же вам, девочкам, нужно отрабатывать технику охмурёжа и поскорее замуж. А у меня на это лето большие планы.

– Какие же это? – Вера чуть склонила голову и картинно захлопала ресничками.

– Подтянуть русский язык и литературу, в августе пересдать историю, астрономию и английский, договориться со школой, чтобы в аттестате стоял и немецкий.

– Sprechen Sie Deutsch? (Вы говорите по-немецки?) – произнесла Светлана прямо в ухо.

– Ja, aber nicht so gut, wie ich es gerne hätte. (Да, но не так хорошо, как хотел бы.) – ответил Виктор в действительности знавший немецкий, как родной. – Und, Liebling, hör auf, mir ins Ohr zu beißen. Wir werden möglicherweise missverstanden (И, дорогая, прекрати грызть моё ухо. Нас могут неправильно понять).

– Natürlich schatz. Für dich immer und überall. (Конечно, дорогой. Для тебя всё что угодно и в любое время), – ответила Светлана, игриво дунула Виктору в ухо и выпрямилась.

Мгновенный обмен любезностями остался непонятым для всех присутствующих, кроме помощницы пионервожатой, которая тоже изучала в школе немецкий язык, и знала его довольно хорошо.

Мальчишки, стоявшие чуть в стороне, с нескрываемой завистью посматривали на стихийный кружок из девочек, собравшийся вокруг Виктора, но ничего умного им в голову не приходило. Виктор, даже на первый взгляд, не выглядел заучкой, и явно мог за себя постоять, а вести себя с девочками также свободно, как он, они не могли, так что приходилось делать вид, что им это совершенно безразлично, и у них есть свои важные мужские дела.

Автобусы ехали долго. По советским дорогам вообще трудно ездить быстро, а автобусы с детьми обычно двигались со скоростью тридцать-сорок километров в час, как и впереди идущая машина ГАИ. До лагеря добрались ближе к обеду, и, быстро перекидав вещи из автобусов по палатам, отправились в столовую.

Первыми кушали малыши, с пятнадцатого отряда по седьмой, а старшие, пока успели разместиться в больших просторных щитовых корпусах в комнатах на пять – шесть человек.

Лагерь «Икар» находился на берегу Учинского водохранилища в роскошном месте, прямо у воды, где оборудовали места для плавания малышей и вышки наблюдателей.

Пройдясь одним из первых по коридору корпуса, предназначенного для проживания первого отряда, Виктор наткнулся на дверь, закрытую на согнутый гвоздь.

Отогнув железку, он заглянул внутрь и кивнул сам себе. Комнатка была маленькой, но очень уютной, там помещалась всего одна кровать, что его устраивало полностью. Виктор бросил чемодан на кровать, закрыл дверь, вкрутив в косяк шуруп, и пошёл к вожатому.

Арсений Григорьевич Запольский, высокий атлетически сложенный мужчина лет тридцати, сидел в вожатской, перебирая отрядные документы. В этом году ему достался хороший состав, за исключением буквально пары человек, но он, как педагог с опытом, вполне резонно предполагал, что легко справится с мальчишками.

– Арсений Григорьевич? – Как раз один из этих проблемных сейчас стоял на пороге его комнаты, приоткрыв дверь.

– Да, Виктор, заходи.

– Да я буквально на секунду. Там в конце коридора – комнатка, маленькая совсем, с одной кроватью. Я займу?

– Ну, попробуй, – вожатый с улыбкой покачал головой. – Обычно за эту комнату разворачиваются настоящие сражения.

– Спасибо, – ответил Виктор, и ушел, закрыв за собой дверь.

Возле комнаты уже стояли трое парней, которых не было в автобусе. Они ковыряли шуруп какой-то железкой, и обсуждали, что можно было бы влезть через окно, но вопрос двери это всё равно не решит.

– Что, не выходит? – участливо спросил Виктор. – А чего это вы ко мне в комнату ломитесь? Забыли что-то?

– Эта комната моя, – парень среднего роста в серых шортах и белой рубашке с короткими рукавами шагнул вперёд.

– Она не твоя, – Виктор покачал головой, – и не моя. Она государственная. Но занял её я, а тебе придётся поискать что-то другое.

С этими словами он достал из кармана отвёртку, и, выкрутив шуруп, шагнул в комнату, присел на скрипучую панцирную кровать, открыл чемодан и посмотрел поверх крышки на стоявших у входа.

– Вы ещё здесь? Парни, не стойте и не делайте суровых лиц. В смысле подраться вы мне не противники, а в смысле всяких подлянок – просто засранцы рядом с гроссмейстером. Так что валите и вообще меня не беспокойте.

Прикинув расположение стен и кровати, Виктор сходил на улицу и, подобрав между деревьев прочную палку, вернулся в комнату, где застал двух мальчишек, которые уже заканчивали раскидывать его вещи по комнате.

– Отлично! – он кивнул и, врезав самому крупному под диафрагму, дал второму в солнечное сплетение. Затем, прихватив обоих за руки, поволок, как щенков, в сторону вожатской.

– Что случилось, Николаев? – вожатый строго посмотрел на Виктора.

– А вот, товарищ Запольский, воров поймал. Достали мои вещи, раскидали по комнате, видимо деньги искали. Не проверял ещё, сколько украли.

– А вот это залёт, – бывший сержант ВДВ, как всегда в критической ситуации, переходил на армейские словечки. – Оставь их, я решу вопрос, – он твёрдо посмотрел на Виктора.

– Принял. – Виктор кивнул и пошёл к себе.

К счастью сильно нагадить эти два дурака не смогли, лишь потоптав пару футболок, которые он кинул в угол, собираясь вечером постирать. Но вопрос защиты комнаты встал довольно

остро и, развесив вещи на верёвке, протянутой от стены до воткнутой между досок палки, Виктор пошёл искать завхоза.

Седой низкорослый мужичок в совершенно дрянном пиджачке и такой же кепке, словно украденных с колхозного чучела, сидел в закутке за сценой и обсуждал с истопником полемику Каутского и Ленина в свете мировой революции, и закусывая солёными огурцами.

За рубль он прямо на месте выдал Виктору замок с ключом и пару ушек, что разом решило проблему сохранности вещей в комнате.

По традиции, комсомольцев из старшего отряда не сильно напрягали всякой пионерской романтикой, но участие в конкурсах строевой песни было обязательным, как и выпуск стенгазеты.

На общем собрании отряда вожатый начал распределять обязанности, и Виктор сразу взял себе стенгазету, как наиболее спокойную и медитативную нагрузку, позволяющую откосить от всех остальных занятий.

Лагерь был большим, около пятисот детей в смену. Кроме обычных развлечений здесь имелись разные кружки, вроде керамической лепки, рисования и даже кружок авиамоделирования. Распределив детей по кружкам, согласно их интересам, и назначив совет отряда из трёх человек, вожатый объявил до ужина свободное время, а после ужина – фильм, «Белое солнце пустыни».

Когда все разошлись, Запольский сам подошёл к Виктору.

– Сам как думаешь, насчёт этих двоих?

Виктор оценил, что вожатый избрал максимально нейтральную форму, и кивнул в ответ.

– Арсений Григорьевич, конечно, они не планировали ничего взять. Хотели просто нагадить и уйти. И меня полностью устроит, если эти трое просто будут обходить меня сотой дорогой.

– Трое? – лицо вожатого вполне правдоподобно изобразило удивление.

– Трое, Арсений Григорьевич, трое. И я уверен, что вы прекрасно знаете, кто этот третий, поскольку именно он является организатором и вдохновителем. И ещё я думаю, что от этих троих ещё будут проблемы.

Вечером показывали «Белое Солнце Пустыни» с бессмертным Суховым, харизматичным таможенником Верещагиным и придурковатым Петрухой.

Классика советского кино, воспроизводимое с плохой копии и на полуубитом проекторе, не впечатляла совсем, и Виктор с лёгкой тоской вспомнил свой компьютер с сорокадюймовым монитором «4К» и мощной видеокарткой. До подобных чудес в этом мире ещё лет пятьдесят, как минимум и то при прочих сопутствующих факторах.

Фильм ещё не прошёл по кинотеатрам СССР, для подавляющего большинства школьников стал новинкой и по дороге в корпус все его бурно обсуждали, размахивая руками.

Виктор проснулся от того, что в окно кто-то царапался, пытаясь открыть и подковыривая чем-то вроде отвёртки.

Беззвучно встав, он аккуратно повернул шпингалет и дал возможность юному взломщику открыть створку, после чего коротко ударил в лицо кулаком, закрыл окно, и отправился досыпать.

Утром проснулся, как и привык, в шесть утра, и, надев спортивный костюм, побежал на тренировку. В такую рань в лагере было по-особенному тихо, и, пользуясь тем, что зрителей нет, Виктор прошёл длинное ката, хорошо нагрузив организм, смыл пот под душем и вернулся к себе во вполне умиротворённом состоянии.

Общий подъём играли в семь тридцать, сгоняли всех на зарядку, после чего вели на завтрак в столовую. После завтрака наступала основная пионерская суэта: работали кружки, рисовались газеты, разучивались песни и речёвки.

Виктору, как художнику отряда, полагались краски, тушь, ватман и рабочее место в вожатской, но гораздо лучше был вариант рисовать газету в Ленинской комнате, которая являлась своеобразной кают-компанией для актива лагеря. Там стоял телевизор, радио, и кипела общественная жизнь. Взрослые часто помогали малышам нарисовать что-то сложное, а малыши таскали с кухни компот и яблоки из заброшенного сада, что находился рядом с лагерем. Большинство обитателей лагеря знали друг друга, уже не в первый раз отдыхая в «Икаре», но и Виктор хорошо вписался в коллектив, особенно когда вполне профессионально изобразил в стенгазете красноармейца Сухова в компании пионеров у костра. Изобразил в карандаше, но девочки из пятого отряда быстро раскрасили картинку акварелью, и газета у малышей-восьмилеток получилась просто на загляденье.

Для отрядной газеты Виктор решил изобразить истребитель на вираже, и уже начал размечать рисунок быстрыми штрихами, как чертыхнулся и, взяв ластик, стёр нарисованное. Су-27, ещё только рождался в чертежах, и сейчас его изображение на стенгазете в пионерском лагере явно не ко времени. Вместо двадцать седьмого Виктор нарисовал двадцать первый на фоне синего неба с инверсионным следом, а вверху вывел название отряда – «Орлёнок».

Собственно на этом его работа заканчивалась. Оставалось дожидаться, пока краска высохнет, и отнести заготовку вожатому, который уже назначит тех, кто напишет заметки, приклеит их на газету и вывесит уже готовый вариант у вожатской комнаты. За три недели нужно было сделать три газеты, на чём вся общественная активность Виктора заканчивалась, не считая всеобщей уборки территории перед Родительским днём и двух дежурств по лагерю, когда пионеры помогали на кухне, стояли на контрольно-пропускном пункте и вообще занимались всякими доступными для них работами.

Виктор много тренировался, в свободное время читал, игнорируя заинтересованные взгляды и записки девочек. В семидесятом году о каком-либо серьёзном развитии романа речь идти не могла, и даже связь пионера с практиканткой – вожатой стала бы огромным скандалом. Поэтому все невинные романы, что порой случались, протекали исключительно на уровне вздохов, прогулок по задворкам лагеря и вечерних посиделок на лавочке. Конечно, юноша был бы не против «открыть счёт» в этой жизни, но понимал, что ничем хорошим это не закончится. Вот станет студентом, тогда будет сильно проще. А пока...

Троица, получившая от Виктора «на орехи» в первый день, действительно его не трогала, хотя однажды они всё же попытались навести свои порядки в отряде, тут же были профилактически унижены, и уже действительно окончательно отстали.

В прошлой жизни Виктор неплохо рисовал и даже брал уроки у художника – педагога, но это по необходимости: то надо набросать портрет разыскиваемого человека, то грамотно нарисовать схему операции и т. п. Но в этой жизни ему неожиданно понравилось работать с карандашом и для тренировки он начал рисовать портреты вожатых и пионеров, часто зависавших в Ленинской комнате. Вскоре случился день рождения начальника лагеря и вопрос с подарком даже не стоял. Виктор изобразил Николая Антоновича сидящим за рабочим столом, взгляд направлен куда-то в сторону, в руке карандаш. Рисунок цветной, а лицо получилось очень хорошо, словно на фотографии. Завхоз где-то нашёл, а точнее, выкинул чей-то лик из красивой рамы, и туда вставили рисунок, а повара испекли торт, от которого Виктору достался большой кусок.

Игра «Зарница» свалилась на пионерлагерь «Икар» внезапно. Вдруг откуда-то появились подтянутые парни в полевой форме, разделили пионеров и комсомольцев на отряды, раз-

дали деревянные макеты калашей и начали тактическую подготовку, чтобы дети не выглядели совсем уж позорно. Для игрищ армия даже выделила десять сержантов, холостые патроны, две укупорки взрывпакетов и пять БТРов, чтобы всё выглядело солидно.

От большей части мероприятий Виктор сумел грамотно откосить, симулировав растяжение в паху, и его посадили за новенькую, только со склада, радиостанцию Р-105М, наказав разобраться и держать связь с командиром, БТРом, и разведгруппой.

Радиостанция была знакома Виктору ещё по прошлой жизни, поэтому он быстро настроил её на нужную частоту и провёл сеанс связи с парнями из экипажа БТР-а, мывшими в это время свой бронесарай на берегу. Затем пообщался с настоящей связисткой из штаба «Синих», который, правда, находился совсем рядом – в ЗИЛ-е 131, в трёх километрах от лагеря. Руководством игры планировалось сначала устроить прочёсывание в поисках диверсионной группы, затем марш и штурм укреплённой позиции, конечно без реальной стрельбы, только под звуки холостых выстрелов, грохот взрывпакетов где-то в канаве, и под рёв БТРов вдалеке. По плану пионеры должны толпой взобраться на холм, потолкаться от всей души, и, ура, победа! Такая вот войнушка для детей.

Виктор, находившийся при лагерном штабе, быстро освоился среди сержантов и офицеров гвардейской Таманской дивизии, и парни, желавшие в жаркий летний день только пива и доступных женщин, притащили вторую радиостанцию, предназначенную для разведгруппы, однако разведка отменилась. Таскать тяжёлое железо, которое не оставишь где попало, солдатам надоело, и ящик сдали Виктору под охрану, а сами забурились на задний двор корпуса, где продолжили охмурять студенток пединститута.

Виктор и сам был не прочь, пообщаться на вольные темы с девчонками – вожатыми, но... Поэтому он расчехлил вторую рацию и стал методично обшаривать диапазон, надеясь поймать в эфире что-нибудь интересное, например, переговоры военных пилотов, или что-нибудь в этом духе.

Но везде было пусто, за исключением морзянки на сорок мегагерц. Кто-то шил цифры сплошным потоком, причём делал это довольно профессионально. Глянув вверх, Виктор понял, что не привёл антенну в рабочее состояние, и вполне естественно, что эфир был пустым. Но в систему не укладывалась морзянка, которая была слышна как из соседней комнаты.

Виктор встал из-за стола и вышел во двор, где два лейтенанта и капитан уже почти договорились с девушками о продолжении знакомства на берегу водохранилища.

– Товарищ капитан... – негромко произнёс Виктор, и офицер, кивнув девушкам, встал и подошёл ближе.

– Что-то случилось?

– Ну, почти, – Виктор качнул головой в сторону Ленинской комнаты. – Я морзянку поймал. Кто-то прям шустро так стучит цифрой. Но дело в том, что антенна на эрке, совсем коротыш. Я воткнул куликовку⁷, а распрямить забыл. Так она колечком и висит.

– Он где-то рядом? – сразу схватил суть капитан.

– Да, в пределах ста – двухсот метров.

– Понял, – он кивнул. – Телефон у директора?

– Да, но...

– Не учи учёного, – капитан хлопнул Виктора по плечу и пошёл на второй этаж, где находилось руководство лагеря.

Директора на месте не было, но сидевшая в приёмной бухгалтер только кивнула капитану, поняв, что тому нужно.

⁷ Антенна из отдельных сегментов, через которые проходит стальной трос. Перед использованием распрямлялась с помощью рычага.

– Через ноль, товарищ капитан.

– Спасибо, – офицер на память набрал номер, и через несколько секунд абонент ответил.

– Говорите.

– Коля, привет, это Сергей Воронцов.

Начальник разведки округа, генерал-майор Прохоров, тормозом не был, поэтому сразу сообразил, что дело серьёзное. Племянник никогда не стал бы его беспокоить по пустякам тем более в такой форме.

– А, Серёга, привет, как дела?

– Да нормально всё. Я чего звоню. Тут у нас курултай намечается. Девчонки, костерок, шашлыки... может подъедешь? Девчонки классные, а ты же у нас холостяк. Вдруг и глянется тебе кто.

– Ну, давай. Только с работы отпрошусь. Вы где?

– Это лагерь «Икар», в Учинском лесопарке.

– Пусть едет до Шолохово, через Красную Горку, а там налево уходит по грунтовке, в лесопарк. И по этой дороге прямо к нам доберётся, – подсказала бухгалтер.

Сорокатрёхлетний генерал действительно два года назад остался вдовцом, похоронив жену, разбившуюся в автокатастрофе. Дочь уже имела своих детей, так что ещё не старому и видному мужчине вполне можно было поискать себе пару. Но вот как-то не складывалось.

Сработал генерал быстро. Три грузовика с солдатами комендантской роты и пара ГАЗ-69 вполне уместно смотрелись на фоне проведения Зарницы. Конечно, заниматься поимкой шпионов внутри страны было для армии не вполне законным делом, но только не в «зоне проведения учений и иных мероприятий ВС СССР», что прямо предписывалось специальным приказом министра обороны, так что генерал был в своём праве. Ну и конечно, подтереть соплю КГБ – бесценно.

Генерал одетый в светло-серые хлопчатобумажные штаны, лёгкую белую рубашку – апаш и парусиновые туфли, на территории пионерлагеря смотрелся вполне органично.

Капитан уже ждал возле здания администрации, стоя рядом с высоким широкоплечим парнем в серых брюках и белой футболке.

– Ну, братцы-кролики, рассказывайте, что за беда у вас приключилась, – сказал генерал после того, как был приветствован и представлен капитаном.

Виктор сжато рассказал и о том, как принял морзянку, и об антенне, и даже указал на здания, где мог находиться передатчик.

– Понимаете, Николай Анатольевич, на такую дулю, что у меня на станции, можно было принять только мощный сигнал и только в упор.

– Радиолобитель?

– Ну, так... – Виктор чуть улыбнулся. – Дома хороший радиоприёмник, кручу иногда ручки, чтобы языки не забывать.

– Много знаешь?

– Немецкий, английский, начал учить испанский, но преподавателя нет. А с арабским вообще глухо – ни учебников, ни разговорников. Вроде папа с кем-то договорился из Казани, там, бывает, издают такое.

– Папа кто?

– Авиаинженер. У Павла Осиповича Сухова в КБ главным конструктором.

– Серьёзно, – генерал кивнул и бросил взгляд на часы. – Так, мои парни уже блокировали территорию, теперь можно приступать к самому интересному, – он кивнул капитану, – командуйте, товарищ капитан, а мы с Виктором Петровичем постоим, побеседуем.

Генерала интересовало всё: где и как учиться, чем занят в свободное время, есть ли подруги и друзья, планы на будущее, мечты...

Начальник лагеря уже давно закончил сеанс связи с разведцентром. Он свернул радиостанцию, уложил её в стенную нишу и закрыл тщательно подогнанным куском кирпичной кладки. Ему нравилось сидеть здесь, в тишине и покое, поэтому рядом на крыше, в небольшой башенке, был припасён коньячок, и лимончик.

Сюда, под самую крышу административного корпуса, не мог попасть никто, кроме него. Ещё с войны здесь сохранилось оборудование поста ВНОС⁸, а позже во время ремонта, проход тщательно скрыт от посторонних. Агент немецкой разведки с позывным «Сирень», оборудовал тут место для проведения сеансов связи. Николай Антонович имел длинный послужной список, начавшийся с дезертирства из Красной Армии в 1941. Дальше последовала служба в зондеркоманде, расстрелы партизан и мирных жителей. Преступлений совершено предостаточно, поэтому трудился Николай Антонович и за страх, и за большие деньги, которые спускал в Сочинских подпольных игорных клубах.

Оглянувшись, он вдруг заметил, как за забором лагеря стоят цепочкой солдаты с автоматами наперевес, и не похоже, что это холостое оружие. Отсутствовали характерные наддульники, а вот подсумки с магазинами – наоборот, висели по-боевому.

Директор подбежал к краю крыши и увидел, как несколько солдат и офицер выводят из кочегарки источника.

– Суки краснопузые! – он скривил лицо, и, вытащив из тайника пакет, завёрнутый в промасленную ткань, достал «люгер», который считал лучшим пистолетом в мире, и взвёл затвор.

Прихватив в левую руку запасной магазин, директор спустился по металлической лестнице в коридор на втором этаже и двинулся к пожарному выходу. Тот был вечно открыт, хотя Николай Антонович давно просил плотника его заколотить. В корпусе всё равно не бывает столько людей, чтобы понадобились вторые двери.

Однако проход был заколочен. Плотник, таки выполнил приказ, но к счастью весьма формально, вогнав лишь один гвоздь, и тот не до конца.

Разбежавшись по коридору, начальник лагеря выбил дверь плечом и по инерции с треском вывалился на площадку перед корпусом, где стоял незнакомый мужчина и мальчишка из первого отряда.

Пробежав по инерции пару шагов, директор поднял пистолет, но Виктор, который отследил ствол ещё в процессе выламывания двери, шагнул чуть в сторону и ударом выбил пистолет вверх, затем крутанулся, втыкая локоть в солнечное сплетение, и, распрямляя руку, добавил костяшками кулака в челюсть. От такого присыла начальник лагеря сделался тих, задумчив и недвижим, завалившись, словно манекен, на землю. И только после Николаев понял, что директор успел выстрелить.

– Ни в кого не попал? – Виктор оглянулся.

– Нет, в воздух пальнул, – ответил генерал, оглянувшись на бегущих к нему солдат, затем подошёл к валяющемуся в простратии шпиону и забрал пистолет.

– Парабеллум. Отличная машинка, – он вскинул оружие, целясь куда-то вверх, опустил, нажал кнопку извлечения магазина, дёрнул затвор, вынимая досланный патрон, и, ловко поймав его в воздухе, засунул в магазин. – Ты прости, я несколько в шоке. Не каждый день меня вот так спасают. Так что пока, просто спасибо от всей души.

– Служу Советскому Союзу, – негромко ответил Виктор.

⁸ ВНОС – Войска воздушного наблюдения, оповещения и связи

3 глава

Если долго перебирать шансы, то вдруг выяснится, что ты перебираешь битые черепки.

Николай Романов (Николай II) Из пометки на полях «Манифеста об отречении от престола».

На экранах телевизоров 21 июня 1970 года.

Первая программа

9.00 – Гимнастика для детей

9.15 – Новости

9.30 – Ко Дню медицинского работника. «Здоровье»

10.00 – Музыкальный Киоск

10.30 — Чемпионат мира по футболу Матч за 3 и 4 место Передача из Мексики

12.00 – Для школьников. Турнир умелых.

12.30 – Труженикам села.

13.00 – Для школьников. Лицом к лицу с детством. Музыкальный телефильм. (Цв. тел.)

14.05 – Для воинов советской армии и флота «Слёт молодёжи».

14.35 – В. Панова. «Сколько лет, сколько зим!» Спектакль Ленинградского академического Большого драматического театра имени М. Горького. Передача из Ленинграда.

16.45 – Для детей. «Жил был солдат». Кукольный телеспектакль. (Цв. тел.)

17.30 – «Семь дней»

18.00 – Новости

18.05 – «Клуб кинопутешественников» (Цв. тел.)

19.05 – В эфире – «Молодость»

20.50 – Чемпионат мира по футболу. Финал. Передача из Мексики

22.45 – Мелодии дружбы. Поёт Рена Рольска (Цв. тел.)

23.25 – Концерт

23.40 – Новости.

Несмотря на вопиющий случай – поимку настоящего шпиона, и не просто шпиона, а резидента разведывательных служб ФРГ, большого шума не случилось. В КГБ, где сразу приняли дело, вполне справедливо решили, что публичность только навредит, и следователи немедленно принялись разматывать весь клубок связей бывшего начальника лагеря.

А Зарница тем временем состоялась в плановые сроки, пионеры взяли штурмом укреплённую позицию, и, получив свою порцию адреналина, расплзлись по палатам переживать и обсуждать войнушку вновь и вновь.

Виктор ко всему отнёсся спокойно. За чёткую отработку ситуации на радиостанции он получил благодарственное письмо от дирекции лагеря, которую теперь возглавил физрук Марат Сагитов.

С родителями происшествие не обсуждал, только отец сказал, что он им гордится, а мама попросила «больше не влипать во всякие истории».

Девочки в последний день совали ему записочки с адресами и телефонами, но Виктор, всё собрав в кучу, сжёг на пляже и смешал пепел с песком.

В июле он поехал с родителями на юг, в Гурзуф, где до одури купался и плавал в море, загорел до шоколадного цвета и таки ухватил женского внимания от студентки второго курса ленинградского Мединститута, скрыв свой возраст. Естественно, сразу возник вопрос финансового обеспечения любовного приключения, ибо красивые девушки требуют красивого ухаживания в красивом месте. Просить деньги у родителей Виктор посчитал пошлым и решил озаботиться решением проблемы самостоятельно.

Единственным доступным источником добычи финансов остался «робингудинг» криминала, что само по себе непросто и требует тщательной подготовки, дабы однажды не оказаться неопознанным телом в двухэтажной могиле.

Наблюдение за парочкой солидных господ в дорогих костюмах и с тяжёлыми золотыми перстнями на пальцах дало три потенциальных адреса в Ялте, один из которых оказался подпольным игорным домом.

Внутри Виктор, естественно, не заходил, но, судя по машинам, что ждали у входа, в клубе тусовалась публика самого высокого уровня: директоры городских торгов, руководители министерских отделов и, конечно, секретари самой пролетарской в мире партии разного калибра.

Играли по-крупному, собирая за пару дней кучу денег, которые, упаковав в самый обычный с виду чемодан, неприметный человек под охраной двух уголовников доставлял в местное хранилище общака. Отсюда деньги расходились по разным нуждам: на закупку товара, подкуп и вообще на обеспечение сытой и нескудной жизни этих жирных крыс.

В подвале здания на набережной Виктор устроил себе промежуточную базу, собрав туда, всё, что нужно для дела: набор для смены внешности и разные подручные средства. Самая напряжённая игра проходила в пятницу и субботу, так как многие специально прилетали в Ялту на выходные. Конечно, выгоднее было бы «робингудить» игровой банк где-нибудь в Сочи в бархатный сезон, когда туда собиралась высшая картёжная лига СССР, но не всё сразу.

Инкассаторов Виктор ждал у самой двери подпольного игорного дома, возясь для виду с телефонной коробкой, установленной на внешней стене здания.

Сначала вышел широкоплечий мужчина двухметрового роста в свободном светлом костюме, оглянулся и, сочтя монёра деталью пейзажа, дал команду выходить остальным – ещё одному охраннику и невысокому мужчине в футболке, джинсах и сандалиях на босу ногу. Тот нёс небольшой чемоданчик, похожий на такой, какой обычно использовали ремонтники.

Когда здоровяк отошёл назад, давая дорогу остальным, Виктор метнулся вперёд и вырубил самого большого точным ударом гаечного ключа завернутого в тряпку. Мужчина сразу осел на асфальт, а следующий удар пришёлся в затылок того, что нёс чемодан, и только последний успел среагировать, начал разворачиваться и нырнул рукой куда-то подмышку, но, получив тем же ключом по лбу, потерял интерес к происходящему упав прямо на своих друзей.

Виктор спрятал орудие преступления в инструментальный ящик, и, подхватив чемоданчик с деньгами, спокойной походкой двинулся к выходу со двора.

Добравшись до базы, сменил внешность: стер краску с лица снял растительность и переделался, преобразившись в модного пижона в огромных солнечных очках, ярко-жёлтой рубашке, сиреневых штанах – клёшах и модных ботинках на высоком каблуке. Весь этот «армянский шик» Виктор приобрёл оптом у торговца на Ялтинском рынке за шестьдесят рублей, не торгуясь. Вещи, сделанные из бросовых, бракованных материалов в подпольном цехе, могли прослужить самое большее пару недель, что, впрочем, устраивало отдыхающих.

Переложив деньги в сумку и подхватив тяжёлую, но такую приятную ношу, он вышел под палящее солнце Ялты.

Парень понимал, что искать его будут серьёзно, поэтому сменил внешность ещё два раза и вернулся в Гурзуф только под вечер.

В чемодане лежало полтора миллиона купюрами по сто, пятьдесят и двадцать пять рублей. Все деньги новые, причём несколько пачек – невскрытые банковские упаковки, и если

четвертаки были на юге вполне законным средством платежа, то пятидесятирублёвые и сотенные купюры использовались очень редко, в основном при крупных покупках, и отследить их было проще простого.

Но Виктору было достаточно и четвертаков, коих лежало в чемодане аж на двести тысяч. Остальное он спрятал в технических потрохах старого бункера времён войны.

Благодаря своевременно проведённой экспроприации, роман Виктора с подтянутой и стройной студенткой получил дальнейшее развитие, и при расставании Елена даже чуть всплакнула. Терять щедрого и представительного кавалера ей категорически не хотелось, но, считая Виктора отпрыском одного из московских небожителей, она рассудила, что женить такого на себе простой студентке меда совершенно невозможно.

На август, когда ему исполнялось шестнадцать, Виктор не планировал никаких поездок, потому что стоило наконец разобраться со школьными делами. Его предшественник не то чтобы совсем запустил учёбу, но очень сильно снизил обороты, и в результате оценки уверенно поехали вниз, иногда даже до тройки. Требовалось что-то пересдать, что-то подтянуть, написать рефераты и так далее.

В начале августа учителей уже можно было застать в школе, поэтому Виктор довольно просто пересдал нужные предметы, исправил оценку по английскому и даже договорился, что немецкий сдаст сразу за весь год, чтобы заранее получить оценку и не тратить время на посещение уроков.

Ещё следовало решить вопрос с совершенно ублюдочной школьной формой, которую стоило затолкать кое-куда создававшему этот «шедевр». Николай Борисович Шеин, портной от Бога, шил отличные костюмы в английском стиле, он и взялся за переделку «шедевра» в нечто, достойное носки, плюс скроил пару костюмов на выход, которых у Виктора просто не было. Профинансировал всю историю отец. Просто кивнул на просьбу выделить двести рублей, встал, достал из буфета вскрытую пачку трояков, и, не считая, вручил сыну.

– А что, вот пригласят тебя в Кремлёвский дворец на награждение, а пойти будет не в чем, – неловко пошутил Пётр Алексеевич.

Виктор мог и вовсе не брать деньги у отца, тем более что костюмы в ателье стоили значительно дороже двухсот рублей, но вопрос легализации доходов стоял остро. У школьника в СССР просто физически не могло быть крупных денег. Только от родителей, ну или выигрыш в лотерею. Кстати, билеты с большим выигрышем в СССР на чёрном рынке продавались как минимум на двадцать процентов дороже номинала, потому что позволяли легализовать доходы.

Николай Борисович справился на отлично. Школьная форма приобрела стиль и спокойную элегантность, а выходные костюмы оказались вообще выше всяких похвал. Один – тёмно-синего цвета, из натурального шёлка, спортивного кроя, сразу преобразил советского школьника в молодого интересного мужчину, а второй – из светло-серой шерсти, с шёлковой подкладкой и замшевым воротником, выглядел образцом британского стиля. Кроме того, модельер, знавший половину Москвы, помог Виктору приобрести несколько пар обуви, носки, платки и галстуки. Всё очень скромное по цветам, но отличного качества. При этом Виктор не выглядел на улицах Москвы чужеродным элементом – люди в столице к семидесятым годам уже приобрели вкус к красивым вещам, добывая их всеми правдами и неправдами.

Собственно одежда и являлась начальным маркером успешности. За одеждой следовала большая, хорошо обставленная квартира в хорошем районе, автомобиль, и, если уж совсем круто, то дача на Рижском Взморье или Юге. В качестве дачи понималась не халупа из палок и рубероида, а полноценный каменный дом в пару этажей, с гаражом и бассейном. Конечно, рабочему или простому служащему обо всём подобном приходилось лишь мечтать. И ещё полбеды, если бы в привилегированный круг входили секретные учёные, академики и партийные

начальники, но в этот тесный междусобойчик лезли всякие проходимцы, включая торгашей, мелких жуликов и разный криминалитет. Весь этот процесс рабочий класс наблюдал, стоя в очередях, толкаясь в переполненных автобусах и делая свои выводы. Поэтому, когда расстреливали Верховный Совет, люди просто проигнорировали событие, справедливо посчитав его схваткой крыс у корыта.

Сейчас, оказавшись в этом времени, Виктор по-всякому прикидывал варианты своих действий и не видел эффективных решений. Даже если, убрать двух-трёх высших чиновников СССР, даже если активировать ко всем чертям эту плешивую мразь – Горбачёва, всё останется при своих. В КПСС, прогнившей снизу доверху, таких Горбачёвых – пучок на пятачок. Половину партии нужно убирать, причём всю верхнюю половину.

Тяжкие раздумья одолевали и сотрудников КГБ, ведущих дело. Вроде всё было понятно. Пацан, сделал правильные выводы из происходящего, сообщил взрослым, которые находились рядом, а те, соответственно, дальше по команде. И ничего странного, что у командира разведроты дядя – начальник разведки всего Московского Военного Округа, и понятно, почему капитан напрямую обратился к нему. Такое дело, как задержание вражеского агента, есть большой плюс к служебной карьере. Но вот дальше начинается настоящее кино.

Шпион спускается вниз с точки связи и, видя, что идёт поисковая операция, делает правильные выводы: хватает пистолет, кидается на прорыв, натываясь на простого советского школьника. Да, этому диверсанту уже за пятьдесят, и он не в лучшей форме, но он взрослый и тренированный мужчина. Перед заброской в пятьдесят шестом прошёл полный курс спецподготовки. А что же это за школьник, который вырубил его двумя движениями? Несколько языков, занимается какими-то боевыми искусствами, пока не установлено какими, но это скоро выяснит группа, ведущая дело. А ещё юноша – сын известного оборонного инженера и весьма интересной мамы – химика, тоже работающей на оборонку. Тут уже впору задуматься о самом подростке, но, не впадая в мистику, это сделать трудно. Руководство Комитета уже обозначило свой интерес к пареньку и готовило соответствующие шаги.

Не секрет, что за перспективные кадры шла настоящая борьба, и с одной стороны военные вроде первые заявили о своих претензиях на Николаева, но с другой – Комитет не собирался уступить в гонке.

Армия свой интерес обозначила тяжело и просто. В назначенный день, Виктора попросили быть в «парадном вне строя» и прислали за ним чёрную «Волгу», которая привезла его прямо к подъезду Министерства Обороны на Фрунзенской набережной. Самые главные награды – медаль «Золотая Звезда», орден Ленина и тому подобные вручали в Кремле, а те, что рангом пониже, – здесь, в Минобороны. Формулировки не отличались разнообразием: «за образцовое исполнение воинского долга, мужество, героизм...» и так далее. Но когда вызвали Виктора, текст был другим.

– За мужество и героизм, проявленные при задержании шпиона иностранной разведки и при спасении высшего офицера, награждается медалью «За боевые заслуги» Николаев Виктор Петрович.

Вручал награду первый заместитель министра обороны и начальник Генерального Штаба маршал Советского Союза Матвей Васильевич Захаров. Прикрепив медаль на пиджак Виктора, маршал одобрительно окинул взглядом подтянутую фигуру и одобрительно кивнул.

– Хорошо начинаете, товарищ Николаев. Так держать!

На банкет он не поехал, но был перехвачен адъютантом, который отвёл его в огромный роскошный кабинет, где уже сидели три генерала: генерал – майор, генерал-лейтенант и генерал-полковник. Рассевшись вокруг низкого столика, сервированного выпивкой, они видимо собрались по-быстрому перехватить по полсотни капель коньяка, а в качестве «закуски» пригласили комсомольца Николаева.

– Ну, что, Витя Николаев, садись, – генерал-полковник кивнул на пустое кресло, и поднял рюмку. – Давай, за непобедимую и легендарную!

Военный тренированным движением влил в себя коньяк, а Виктор лишь пригубил, оценив роскошный аромат напитка.

– Проявил ты себя хорошо, так что есть мнение, дать тебе дорогу по военной линии. Отец – заслуженный человек, которому уже лет десять все строевые пилоты Сушек спасибо говорят, матушка – тоже не последний человек в оборонке, сам Бог велел тебе строить карьеру в армии. Так что, давай, за тебя и за твои будущие генеральские погоны.

Из здания минобороны, Виктор вышел в ещё более растрёпанных чувствах. Ну, да, медаль «За боевые заслуги» не особо серьёзная награда и в рейтинге боевых наград едва ли не на последнем месте, однако-ж боевая медалька-то, за личное участие в замесе, а не за «беспорочную службу». С таким привеском хороший старт на службе гарантирован, но проблема состояла в том, что он до сих пор так и не знает, куда двигаться дальше, а без этого невозможно строить хоть какие-то планы. Если ему нужно перевернуть такую махину как СССР, то необходим соответствующий инструмент. Партия была бы неплохим вариантом, но поднимаясь по партийной линии можно легко забрести не туда. Да и не двигали тех, кто не брал, не воровал и не имел грехов. Двигали как раз тех, кто замазан по уши, чтобы все были в одинаковом положении, и компроматы заведомо уравнивали друг друга. Производственники и правительственные чиновники – вообще мимо, так как они власти не имеют, а КГБ – такая организация, где тебя продадут с потрохами на любом участке дистанции. Так что Армия и ГРУ виделись неплохим вариантом, если бы они сами не дистанцировались от политики.

В общем идеального варианта не существовало, и следовало выбрать наименее плохой. Но до этого ещё есть время, как минимум до следующего лета, когда придётся либо поступать куда-то, либо уходить на два года в армию.

В глубокой задумчивости Виктор вернулся домой, приготовил ужин и, переодевшись, побежал в парк, чтобы очиститься от мыслей, которые буквально взрывали голову.

С приходом августовской жары он перенёс утреннюю тренировку на пять утра, а вечернюю ближе к восьми, тем более что в уголке парка, где не стояли фонари, можно спокойно отрабатывать все ката.

Время близилось семи, и пока было жарко, но ветер постепенно разгонял духоту, и Виктор отключился от окружающего мира, наворачивая круги по стадиону. Где-то в восемь тридцать он заметил одинокую фигуру бегущего человека. Это был Александр Николаевич, пенсионер, регулярно тренировавшийся на спортивной площадке. Мужчина за семьдесят, держал себя в отличной форме, занимаясь спортом и вообще ведя активный образ жизни.

Виктор приветственно махнул Александру Николаевичу и уже собрался пойти домой, когда на краю площадки увидел большую группу парней, что-то обсуждающих и одновременно тренькающих на разбитой гитаре. Парни сидели на лавочках возле футбольного поля, поставив спиртное прямо на землю, и периодически прикладываясь к горлышкам бутылок.

Они что-то кричали пробежавшему мимо пенсионеру, но тот просто игнорировал загулявших хулиганов, нарезая свои десять кругов по площадке.

Одиноким пенсионер выглядел очень привлекательной мишенью для издевательств, и на следующем круге самый остроумный что-то сказал, а все остальные заржали. Александр Николаевич не отреагировал и на это, продолжая мерно скрипеть гравием, и тогда парни вышли на дорожку, преграждая ему путь.

К этому моменту Виктор уже был метрах в двадцати от перепивших парней и, когда бегун вышел на поворот, окликнул их, стоявших к нему спиной.

– Эй, говнюки, что же вы на дедушку накинулись? И такой толпой!

Виктор подошёл ещё ближе и, когда самый шустрый крутанулся, выбрасывая вперёд руку с ножом, перехватил её, вывернул в локтевом суставе, нагнул вниз, заставив хулигана встать коленями на землю, и резко ударил коленом в лицо.

– Минус один, – он широко улыбнулся. – Продолжим?

Двое кинулись с разных сторон одновременно, но Виктор лишь чуть подправил траектории их голов, чтобы они, словно шары в бильярде, столкнулись с сухим стуком.

– И минус ещё два, – он посмотрел на последнего оставшегося стоять парня. – Ты ещё здесь? – он сделал движение, словно хотел рвануться к нему, но гопник всё понял правильно и уже нёсся в сторону кустов, не чуя под собой ног.

Ещё пятеро поднялись с лавочки, держа в руках бутылки и ножи, медленно, словно с лентой, двинулись к Виктору, обступая по широкой дуге.

Молниеносным движением он сместился влево и назад, сокращая дистанцию с тем, что шёл с краю, и нанёс парню удар ногой, точно попав в голову. Уворачиваясь от боксёрского прямого удара следующего нападавшего, контратаковал прямым в печень, сразу погрузив того в глубокую медитацию, и едва успел уйти от вполне профессионального бокового удара, пробив в ответ стопой между ног. Боксёр успел частично закрыться, но удар второй ногой достал его в голову, он запнулся от резкой боли, после чего удачным ударом в колено Виктору удалось сбросить его на землю и опрокинуть на спину. Ещё двое из компании уже лежали в полнейшей прострации.

– Александр Николаевич, – Виктор учтиво поклонился, – прошу простить, что украл у вас вечернее развлечение, но мне показалось, что вы не хотели заниматься педагогикой.

– Да, пожалуй, – старик вздохнул. – Весь настрой перебили. Домой пойду. Теперь только кота на колени и что-нибудь скучное почитать. Честь имею, Виктор Петрович.

– Всегда к вашим услугам Александр Николаевич, – Виктор коротко поклонился, и пошёл домой.

А дома его ждали родители, которым пришлось подробно рассказать про награждение и про беседу с генералами...

Александр Николаевич Скворцов, семидесяти двух лет, вдовец, не привлекался не сидел, член партии с двадцатого года, полковник в отставке по ранению, персональный пенсионер республиканского значения, пил чай в гостиной своей огромной шестикомнатной квартиры, поглаживая кончиками пальцев здорового серо-полосатого кота, отвечавшего мягким урчанием, словно дизель, работающий на холостом ходу.

По правде говоря, Александр Николаевич, вовсе не был уверен, что справится с восемью здоровенными лбами, и помощь пацана оказалась очень своевременной и абсолютно не лишней. Во всей этой ситуации Скворцова смущали лишь две вещи. Первое – парень бился с парнями более крупными, чем он, был спокоен и уверен, словно имел богатый опыт реальных схваток, а второе – он двигался, как профессиональный уличный боец. Где-нибудь в Гонконге или Макао, это было бы в порядке вещей, там таких парней немало, тренируются с самого детства, и кроме драки, пожалуй, и не умеют ничего, пишут даже с трудом. Вариант с подставой, Александр Николаевич отнёс сразу. Слишком криво, слишком заметно, слишком нарочито. Но вот дурацкой случайностью это могло быть, поэтому он снял трубку телефона защищённой связи и, набрав номер, дождался ответа.

– Аслан Месхадович, салам. Вашими молитвами, уважаемый. Я чего беспокою. Я там на школьном стадионе возле сто сорок четвёртой намусорил слегка. Если что, приберёте, ладно? Спасибо. И вам того же.

Он повесил трубку, задумчиво посмотрел в окно, поглаживая кота, и снова взялся за телефон.

– Коленька, привет дорогой. Да, скриплю ещё. Да. Всё нормально. У врачей был вчера. Константин Сергеич придёт завтра, проверит лекарства и что он тут проверяет, – персональный пенсионер республиканского значения вздохнул и продолжил. – И подготовь-ка мне, Коленька, объективку на Николаева Виктора Петровича пятьдесят пятого года рождения, проживающего по адресу Ленинградский проспект, дом шестьдесят шесть, квартира восемьдесят. Всё на него сделай. Школа там, друзья – подруги и прочее. Естественно, из фонда оперативных расходов возьми, сколько нужно, и не жмись. А ещё посмотри-ка, что здесь у меня за гопота развелась в районе. Если что, можешь их закопать, но только тихо, а то мы ещё по прошлым ликвидациям все хвосты не закрыли.

4 глава

Школа – это место, где вас научат бессмысленному, ненужному и глупому, в процессе обучая врать, уваливать от ответственности, симулировать и делать умное лицо. В общем, готовить к взрослой жизни.
Антон Макаренко. Из секретных записных книжек.

Новый год нашей школы.

Вот и наступило первое сентября, день светлый и торжественный. Его ждали в каждой семье, где есть школьник или студент, учащийся техникума или профтехучилища. Ему радуются в любом доме, где появился букварь или получена новенькая зачетная книжка.

Как заботливая мать, готовила Советская страна свою школу к занятиям. Отовсюду поступали добрые вести о завершении строительства учебных зданий и общежитий, выпуске колоссальными тиражами учебников и всевозможных пособий, оснащении классов и аудиторий новым оборудованием.

Новый учебный год будет проходить под знаком подготовки к достойной встрече XXIV съезда КПСС. На основе решений XXIII съезда партии ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли ряд постановлений: о средней общеобразовательной школе, развитии педагогической науки, повышении качества подготовки специалистов в вузах и техникумах, совершенствовании системы профессионально-технического образования. Успех зависит прежде всего от нашего учительства...

«Правда», 1 сентября 1970 года.

Поднимая вокруг себя некоторую волну, Виктор, конечно, понимал, что вызывает повышенный интерес и разные вопросы, но в руководстве страны сидели люди прагматичные и по большей части атеисты, так что никто не будет искать следы магии и волшебства, а придумает себе что-нибудь вполне прозаичное и понятное в соответствии с правилом «Бритвы Оккама».⁹

Первое сентября 1970 года, выдалось ярким и солнечным, словно напоказ. Виктор, одетый в новый костюм и серые полуботинки в тон, подошёл к школе, держа в руках редкий тогда предмет – чемоданчик типа атташе-кейс, который позже в народе прозвали «дипломатом». Кое-кто из чиновников со Старой Площади¹⁰ и Дороги Жизни¹¹, уже щеголял таким же модным аксессуаром, поэтому Витя Николаев не совершил никакого прорыва в общественном сознании, хотя для подростков-старшеклассников вид чемоданчика, сверкающего кожей и хромовыми накладками, произвёл впечатление не менее сильное, чем золотое ситечко на Эллочку-Людоедку¹².

Друзей у Виктора в школе не случилось. Возможно, тому виной замкнутый и нелюдимый характер прежнего владельца тела, возможно, что-то другое. Отношения сложились при-

⁹ Принцип по имени английского монаха-францисканца, философа-номиналиста Уильяма из Оккама в кратком виде гласящий: «Не следует множить сущее без необходимости» (либо «Не следует привлекать новые сущности без крайней на то необходимости»).

¹⁰ На Старой площади располагался аппарат ЦК КПСС.

¹¹ Дорогой жизни в 70 годы называли Арбат, потому что он проходил от здания МИД до здания Министерства обороны.

¹² Эллочка-Людоедка – персонаж романа Ильфа и Петрова «12 стульев», жадная до всякого рода побрякушек и ярких вещей.

вательские и спокойные, как между коллегами. Можно было подойти к любому и попросить о небольшой помощи, но не более того.

Ребята вежливо интересовались чемоданчиком, его содержимым, но не спрашивали, где такое можно купить. В Москве семидесятых этот вопрос считался почти интимным и возможным только между близкими друзьями. А вот девочки, в том числе Ира Хаканада¹³, учившаяся с Виктором в одном классе, оценили экстерьер костюма и общий вид Виктора на твёрдую пятёрку, и кое-кто подумал о том, что такого парня можно будет пригласить на день рождения и показать родителям.

С памятью у Ивана Гагарина было всё в порядке, а после переноса в молодое тело Виктора, она стала почти абсолютной, и ему не нужно было напрягаться в учёбе, чтобы находиться на уровне отличников. Но с тех, кто учился хорошо, и спрашивали более строго. Так преподавательница английского языка, увидев напротив фамилии «Николаев» пометку «свободное посещение» устроила форменный допрос, естественно, на английском языке, но в итоге сменила гнев на милость, подтвердив право Виктора не посещать занятия, одновременно посетовав, что остальные ученики не торопятся изучать язык Шекспира и Шелли.

Зачем Виктор освобождал себе время от занятий он и сам толком не понимал, но действовал на опережение, понимая, что более-менее серьёзные занятия спортом и школу совмещать не сможет. Мелькнула ещё мысль заранее сдать нормативы по физкультуре, но по здравому размышлению от этой идеи пришлось отказаться. Физрук школы, Гусев Вениамин Алексеевич, был личностью увлекающейся и пробивной, и ему ничего не стоило привлечь отдельно взятого школьника в бесконечную череду спортивных мероприятий города, тем более что остальные оценки у этого школьника стали на уровне «хорошо» и «отлично», причём более «отлично», чем «хорошо».

Обойти Гусева на повороте не удалось. Каким образом информация о награждении Виктора проникла в школу, уже было не важно. На третьем уроке его вызвали к директору школы и попытались устроить допрос с пристрастием.

– Уважаемые Вениамин Алексеевич, Фёдор Николаевич и Нина Сергеевна, я уверен, что всю информацию по этому делу вы сможете получить, обратившись с письмом в приёмную Верховного Совета, который собственно и награждает советских граждан. Или, например, в приёмную Министра обороны к маршалу Гречко. Уверен, там к письму из сто сорок четвёртой школы отнесутся с полным пониманием.

– Но ты же должен нам рассказать, как было дело! – возмутился военрук школы, майор в отставке Попов Фёдор Николаевич. Китель майора был увешан многочисленными наградами за военные заслуги.

– Уточните, когда именно и сколько я вам задолжал, Фёдор Николаевич, – спокойно парировал Виктор. – Как вычислили резидента вражеской разведки? Или как задержали? Или подробно описать внешность и должность генерала, который при сём присутствовал? Что-то я запутался.

– Но мы же должны... – неуверенно начала директор школы.

– Кому должны, Нина Сергеевна? Почему вы так уверены, что подробности боевой операции обязательно должны стать публичными и обсуждаемыми? Я напомним, что в прошлом году случился конфликт на острове Даманский. Там были жертвы среди наших пограничников и огромное количество погибших китайских военнослужащих. Теперь сравните это с тем, что вы узнали из газет.

Когда Виктор вышел из кабинета, директриса сидела молча, а военрук, покачав головой, угрюмо произнёс:

¹³ Автор знает, как правильно пишется фамилия известного политика, и изменил её сознательно.

– А ведь умыл нас школьник. Но письмо в Минобороны написать нужно. Информация о награждении напечатана в «Красной Звезде»¹⁴, а значит, медаль проходила не секретным приказом. Нужно знать, что можно говорить, а что нельзя. А то ведь такое дело – наш парень получает боевую медаль, а мы и отметить его никак не можем. Непорядок.

Между тем, Виктор довольный, что смог отбояриться от всяких официальных поздравлений-торжеств, отсидел на математике и геометрии, побегал на физкультуре и отправился домой.

К хорошему привыкают быстро, и родители скинули заботы об ужине на него, правда, выдавая достаточно денег на продукты. А уж Виктор, с его опытом человека, прошедшего через тотальный дефицит в восьмидесятых, сумрачный дефолт и разруху в девяностых, быстро договорился с директором магазина за мзду приобщиться к потоку товаров «повышенного спроса». Это обходилось Виктору в сто рублей ежемесячно, но и продукты были вполне приличного качества. Удавалось иногда даже перехватить сверхдефицитную телятину и балык. Но чаще он закупался в маленьком закутке Центрального рынка на Цветном бульваре, где обосновались торговцы с юга. Достаточно было отдать список продуктов, как через полчаса принесли сумку и озвучивали ценник. Трофейных денег хватало, и он платил не скупясь, а опера из ОБХСС, которые, естественно, пасли всю эту рыночную компанию, особо не напрягались, потому как сын ведущего конструктора КБ по разработке истребителей мог иметь достаточно средств, чтобы посещать рынок каждый день.

Кроме того, в Москве было полно так называемых фабрик – кухонь и магазинов кулинарии, где продавали полуфабрикаты или готовую еду, которую можно просто разогреть. Где-то еда получше, где-то хуже, но в некоторых местах и за отдельную доплату можно было отовариться на уровне ресторанов высшей категории.

Кулинарные пристрастия родителей выяснились быстро. Папа предпочитал мясо, причём в виде кусков, а мама всякие изделия из фарша. Поэтому Виктор чередовал блюда, временами покупая у армян, грузин и азербайджанцев то, что готовили на продажу среди своих их жёны.

Самая главная проблема, которая никак не хотела решаться – проблема транспорта. Права выдавали в шестнадцать, но ездить одному разрешалось только с восемнадцати. Можно было купить дурацкий мопед с двигателем в 49 кубических сантиметров, такой дозволялось эксплуатировать школьникам, но всякий раз, когда Виктор видел это убожество, сразу возникало желание привязать мопед к тому, кто его придумал, и утопить в самом глубоком месте.

Родители приехали как всегда вместе, на папиной «Волге», и, оставив машину во дворе, поднялись в квартиру на пятый этаж, где их уже ждал горячий ужин. Более всего, этому обстоятельству радовалась мама, потому что не нужно было после работы тащиться по магазинам, забитым толпами народа, кинуть в очередях, чтобы купить что-то из еды, а затем стоять у плиты, чтобы всё это приготовить. Доволен был и папа. Ужин всегда готов к его приходу, не нужно ждать, пока приготовят, и уж тем более, отработав целый день, тратить время в очередях. А ещё проявился совершенно неожиданный бонус от внезапно повзрослевшего сына: Тамара Анатольевна, получив свободное время, начала более тщательно следить за собой, пользуясь кремы и косметику, которые Николаев старший часто привозил из командировок, и сразу внешне помолодев лет на пять, что тут же было положительно отмечено коллегами и Петром Алексеевичем.

Родители и дома продолжали разговаривать о работе, и Виктор, листавший в зале «Науку и жизнь» за прошлый год, не прислушивался к разговору, но один момент ухватил, потому что тот сразу лёг в нужное русло его тактических планов.

¹⁴ «Красная Звезда» – орган печати Министерства Обороны СССР

– ... и представляешь, они нам опять спускают план по ширпотребу!¹⁵ Только-только вроде отбоярились от этого дела, и вот опять... А генеральный рвёт и мечет. У нас ЭДСУ на опытном стенде опять сбоит, а двадцать четвёртый на испытаниях тяжело идёт¹⁶... в общем круговерть. Да ещё и ваши по терефталату напортачили.

– Пап? – Виктор заглянул на кухню по размерам вполне со столовую. – Я тут вот чего нашёл.

Он раскрыл журнал, где на цветной вкладке красовался мотороллер Веспа 50 Special.

– Сделать ему лёгкий корпус из алюминия, да воткнуть моторчик в сорок девять кубов, чтобы дети могли ездить. Вещь же получится?

– Ну-ка, – Пётр Алексеевич вытер руки салфеткой и взял журнал в руки. – Ну, не вижу ничего сложного... Но считаешь будут брать?

– Если сделаете нормальный глушитель, чтобы работал тихо, как дизель на холостых, и поставите вариатор, чтобы не щёлкать коробкой скоростей, то будут брать даже взрослые.

– Ну уж ты сказал!

– А почтальоны сейчас на чём ездят? – возразил Виктор. Кому дали велосипед, тот счастлив, а остальные пешком ходят. Мотоцикл – штука дорогая, да и права нужны. А всякие монтеры, врачи? Полно же народу, который ногами работает. Нужно только к этому делу подключить Минсвязь и других заинтересованных. А если раскатать этот моторчик хотя бы до пяти сил, то его вполне хватит для взрослого человека.

– Да моторчик мы раскатаем хоть до десяти, не вопрос, – в голове у опытного конструктора уже рисовалась внутренняя схема мотороллера.

– Понимаешь, пап, это не мопед с его огромной рамой и грязью изо всех щелей. Тут человек сидит на широком удобном сидении, закрыт от грязи и пыли передним щитком и стеклом, а широкие колёса дадут неплохую проходимость. И если поставить вариатор, не нужно будет никакого сцепления. Одна ручка – газ, вторая – тормоз. Только предусмотреть, чтобы их нельзя было нажать одновременно. Проще, наверное, сделать две педали, и связать их рычагом типа «коромысло». Нажал газ, отжал тормоз. Нажал тормоз, убрало газ.

– Ты точно не хочешь в МАИ? – спросила мама, улыбнувшись.

– Да не решил пока, – Виктор пожал плечами. – Есть же ещё время подумать.

– Время есть, – кивнул Пётр Алексеевич, не отрывая взгляд от фотографии. – Но тема рабочая, – он, чуть прищурившись, посмотрел на сына. – Создадим опытный участок, соберём туда молодых рабочих и инженеров, пусть получают опыт на том, что не так критично по качеству. А то запускаем их на монтаж или сборку, а у самих всё трясётся от страха. Проверяем за ними по сто раз. Если у тебя есть ещё идеи, ты не молчи, – Пётр рассмеялся. – Вон, туполевцы протолкнули свой высотный разведчик. Тема-то копеечная, а сколько под это дело отжали... не посчитать.

– А это что за зверь? – спросил Виктор, который конечно же прекрасно знал о высотном самолёте-разведчике Ту-123.

– Ну, такая штука, размером с нормальный самолёт, но без пилота. Тяга реактивная, двигатель там серьёзный, так что летает штукovina довольно шустро и высоко. Полетала, сбросила аппаратный контейнер, а сама разбилась по выработке топлива или по команде с земли.

– В смысле «разбилась»? – Виктор округлил глаза. – Самолёт с реактивным двигателем, и дорожным корпусом... одноразовый?

– Ну, да, – Пётр Алексеевич не видел никакой проблемы.

¹⁵ Ширпотреб – товары широкого народного потребления.

¹⁶ Имеется в виду фронтальной ударный бомбардировщик Су-24 с крылом изменяемой геометрии. Машина на тот момент прорывная и служит в ВКС России до сих пор.

– А что он такого может увидеть, что не увидит спутник, и что стоило бы потерянной штуки за чёрт знает сколько миллионов рублей?

– Он ещё и не управляется в полёте. Ввели программу, вот по ней он и работает.

– Бред, – Виктор покачал головой. – Это же просто растрата государственных денег. Сидит толпа инженеров, придумывает всякую хрень, а после эту хрень выпускают на заводах, и все при деле...

– Наверняка у тебя есть идеи получше, – едко заметил Пётр Алексеевич, которому вдруг стало обидно за коллег из туполевского КБ, многих из которых он хорошо знал.

– Возможно, – Виктор улыбнулся. – Например, лёгкий радиоуправляемый самолётик с размахом крыльев в пару метров, который можно перевозить на легковом вездеходе. В качестве груза – телекамера, которая сразу передаёт сигнал на землю оператору. Оператор двигает зону обзора камеры, а командир сразу видит с высоты, что там у него впереди, или может корректировать огонь артиллерии. Моторчик бензиновый. Дальность полёта будет зависеть от качества самого планёра и мощности передатчика. Но на сотню километров десятиваттного передатчика точно хватит, прямая видимость же. После полёта его можно будет посадить на землю и использовать много раз, пока не развалится сам планер, а если к такому самолётику приделать бомбу, то можно будет наносить точечные удары по конкретным целям. А некоторые цели, например, зенитные батареи, вполне достойны такого самолётика.

Пётр Алексеевич был хорошим конструктором, и как у всякого хорошего конструктора у него было отличное воображение и пространственное мышление. Поэтому пока сын рассказывал о своей идее, у него в голове создавался облик будущего ударно-разведывательного комплекса. И тысячу раз прав Витька, потому что такой самолётик ещё попробуй сбить! Металла в нём совсем немного, а теплового следа, почитай, что и не оставляет, так что все ракеты с инфракрасным самонаведением пролетят мимо. А стоять он будет в сто, если не в тысячу раз меньше, чем туполевский разведчик, и не одноразовый, а вполне рабочий инструмент тактической разведки. Ведь самолёт везде не пошлешь, и не только из-за зениток. А сто километров в условиях войны – это очень много. Но для начала нужно кое-что уточнить.

Он встал, подошёл к телефону в гостиной и достал из заднего кармана брюк, записную книжку.

– Егор Александрович, Петр Алексеевич из КБ Сухого беспокоит. Да, спасибо, всё хорошо. Я что звоню. Мне нужна консультация офицера – общевойсковика... Генерал, конечно, тоже подходит. Да, конечно, могу. Записываю, – он прямо в записной книжке написал адрес и, накинув пиджак, вышел из дома, не говоря ни слова.

– И даже не доел! – всплеснула руками Тамара Анатольевна, – затем посмотрела на сына и покачала головой. – Знаешь, я его таким в последний раз видела, когда он придумал свою командную систему управления. Но там явно сложная конструкция. А у тебя идея какая-то странная...

– В колесе тоже нет ничего сложного, – Виктор пожал плечами и, посмотрев на часы, стал собираться на тренировку.

На следующее утро Пётр Алексеевич, придя на работу, на какое-то время заперся у себя в кабинете. Приходить к генеральному с голыми идеями не следовало. Поэтому он набросал несколько эскизов для беспилотника и мотороллера и даже сделал предполагаемый технологический разрез.

Несмотря на занятость, Павел Осипович Сухой принял одного из заместителей сразу, так как был уверен, что по пустякам тот беспокоить не станет.

– Садитесь, Пётр, – генеральный кивнул на кресло, и уже собирался сам сесть в углу для неформальной беседы, но инженер шагнул к кульману и закрепил на доске несколько рисунков.

– Вот, Павел Осипович, кое-что принёс в клюве.

Сухой, шагнул к доске и внимательно начал рассматривать рисунки.

– Идея интересная, – он кивнул. Но нам это зачем? – Он вопросительно посмотрел на Николаева.

– А вот это, не изменит вашего отношения? – Пётр отдал генеральному бумагу, которую рано утром привёз нарочный из штаба.

– О как! Прямо, «всё, что будет сделано предьявителем сего...», он улыбнулся и задумчиво посмотрел куда-то вдаль.

– Мы, товарищ Сухой, под такую бумагу и под такую задачу наше КБ можем на треть увеличить, – произнёс Пётр. – А то и больше. А ещё – это тёплая дружба с генштабом, которому такие средства ведения тактической разведки ну очень к месту будут. Генерал Тихонов под такое дело обещался нам передать материалы по телевизионным передатчикам, полупроводникам и экранам, что они добыли у буржуев. А нам собственное электронное производство не помешало бы. Вы же знаете, как дело с браком обстоит – до половины деталей в ведро уходит. И это из тех, что прошли военную приёмку. Вопрос начерно согласован с военными, они нас поддержат. Им тоже постоянные отказы электроники надоели. А мы, получается, будем производить блоки, и сами же их будем ставить на свои изделия, а внутри нашего КБ создадим даже не опытный участок, а прямо направление – «тактические беспилотники».

– А станки и прочее?

– Так у немцев возьмём, – быстро ответил Пётр. – Они берут взаимозачётом у Сименса, Грундига, да у Блаупункта, а мы тут и присоединимся. Но брать надо с кучей ремкомплектов, а то рассоримся с буржуями и останемся у разбитого корыта.

– Складно, – Павел Осипович, кивнул. – Тогда так. Давай, выписывай тему и ставь в план. Я поговорю по своим каналам. Будем решать вопрос с электроникой. Думаю, отжать под это дело Мосприбор. Заводик небольшой, но хороший. Нам в самый раз будет, – он помолчал, задумчиво разглядывая рисунки. – А ты чего это вообще залип на эту тему? Тебя же от твоей гидравлики – электрики не оторвать было.

– Павел Осипович, я вам когда-нибудь врал? – спокойно спросил Пётр.

– Не было такого, – генеральный кивнул. – Даже когда накосячили с кабелями на опытном стенде, ты честно признался, что вина твоя и твоей команды.

– Так вот. Идею этого самолётника мне рассказал мой сын. Я ему начал рассказывать про туполевский один-два-три, а он послушал и говорит, а зачем вообще такая штука нужна, тем более одноразовая? И сразу выдал описание вот такого самолётника. Прimitив, конечно, кружок «умелые руки». Но вот генерал Тихонов буквально затрясся, когда про это дело услышал. Нет, говорит, сейчас средств тактической разведки на уровне батальон-полк-дивизия. Летуны и генштаб то ли дадут разведданные, то ли нет, а ты сам крутись, как можешь. Вот и уходят разведгруппы, зачастую без возврата. А такой вот самолётник можно дать в каждый батальон, и хоть пять штук в полк, и уж точно по беспилотнику в каждую батарею и артдивизион. И не нужно будет людей тащить с радиостанцией в прямую видимость противника. А вы знаете, сколько у нас живут корректировщики?

Павел Осипович кивнул:

– Есть такое дело.

Он посмотрел на край белого листа, торчащего из папки в руках конструктора:

– А это что?

– Да тоже идея сына, но такая...

– Ну, давай уж посмотрим, что там, – Павел Осипович взял в руки рисунок, – забавно. А я весь вечер ломал голову, чем бы нам откупиться от Минторга, а тут вон, готовый проект. Шестой цех у нас же пустой пока? А там и прессовое какое-никакое есть, и сварочный пост... – он задумался. – А сделай-ка мне, Пётр Алексеевич, мотороллер этот, штук пять, да планеры

под беспилотники. Пять комплектов аппаратуры «на попробовать» нам соберут в Казани, я решу вопрос. С уже готовыми изделиями нам будет куда проще договариваться.

5 глава

Если вы не кормите своих сторожевых псов, значит они не ваши.
Граф Андрей Иванович Ушаков¹⁷

ТЕЛЕГРАФНЫЕ АГЕНТСТВА ПЕРЕДАЮТ

Самый популярный иностранный язык в Монголии – русский. В этом году в 700 кружках русского языка, созданных по инициативе Общества монголо-советской дружбы, занимается свыше 10 тысяч человек.

«Добро пожаловать в Карлстадт!» – такими словами тепло приветствовали посланцев Советского Союза жители этого шведского города. Здесь состоялось торжественное открытие Дней советской культуры в Швеции. Они продлятся до 19 ноября.

Международная Багдадская ярмарка закрылась. В течение месяца 16 стран, в том числе ряд арабских и социалистических государств, демонстрировали лучшие образцы своей сельскохозяйственной и промышленной продукции.

Кабинет министров ОАР, сообщает каирская печать, принял решение о дополнительном выделении миллиона египетских фунтов на организацию 400 медицинских центров.

Налёт на помощника главы местного отделения Французской компартии в одном из округов Лиона совершила группа фашиствующих молодчиков.

Расширить границу территориальных вод страны с шести до двенадцати морских миль решило правительство Цейлона. Это решение было принято кабинетом министров по рекомендации премьер министра.

ТАСС – Франс Пресс.

Начальник Генерального Штаба Матвей Васильевич Захаров просматривал документы по событиям на Ближнем Востоке, где не затухали боевые действия между арабами и Израилем, а фактически – между США, Европой и странами Ближнего Востока. Американцы сливали израильтянам данные спутниковой разведки, посылали свои экипажи на станции РЭБ и зенитные установки и, вообще, лезли двумя ногами в конфликт. Серьёзно помочь арабам СССР был не в состоянии – не та экономическая мощь, и скорее чуть смягчал поражение арабских стран.

Читал Захаров быстро, схватывая взглядом всю страницу и мгновенно понимая суть. Но на рапорте от генерала Тихонова чуть забуксовал и, остановившись, начал вчитываться в текст. Начальник шестого управления ГРУ докладывал о беседе с одним из главных конструкторов КБ Сухого и о его предложениях относительно разведывательного беспилотника. Такая штука в хозяйстве сухопутных сил уже была – тридцатитонный гигант длиной в тридцать метров, стоимостью в десяток миллионов рублей, и при этом одноразовый. Чуть полная и растрата государственных денег. Но тогдашний министр обороны, маршал Малиновский, настоял, и эту бандуру приняли на вооружение.

То, что предлагал конструктор Сухого, выглядело проще в сто раз, дешевле в тысячу и, самое главное, это предполагалась система многократного использования с возможностью

¹⁷ Андрей Иванович Ушаков (1672–1747) – русский военный и государственный деятель, сподвижник Петра I, генерал-аншеф, начальник тайной розыскной канцелярии в 1731–1746 годах.

управления в полёте. У предполагаемого изделия виделось столько плюсов, что в голове у начштаба не переставал пульсировать один и тот же вопрос: «Почему это до сих пор не в войсках?»

Матвей Васильевич нажал клавишу интеркома:

– Тихонова Егора Александровича – ко мне. Сейчас.

Когда армия чего-то очень хочет, она пробивает все препоны, словно разогнавшийся носорог. Генералы мгновенно договорились с Минфином и с Авиапромом, утрясли все вопросы в ГРУ и вышли на КБ Сухого с готовыми документами и финансированием. Под этот проект и для улучшения качества опытной базы КБ получило ещё один завод, где собирались наладить производство элементной базы и прочей электроники и видеотехники по технологиям, что раздобыли разведчики у «партнеров». А таких материалов было много. Копии документов уже год как лежали без движения в Минэлектронпроме, но там и не собирались напрягаться. Зачем суетиться, ведь всё и так разбирают подчистую, дефицит-с... Радиодетали, которые укладывались в жёсткие допуски шли военным, те, что не укладывались, – на бытовую технику, ну а выбраковка уходила в магазины радиолюбителям.

Ещё не зная того, Виктор уже изменил будущее, потому как не случилось такого никогда, чтобы у министерства отбирали целый завод и передавали в другое ведомство. Министр электронной промышленности устроил на коллегии правительства настоящую истерику, и тогда встал сам Матвей Васильевич, и с цифрами и доказательствами просто втоптал министра в грязь, обвинив в саботаже и в косвенной работе на разведку капиталистических стран. В дело легли все факты отказов критически важной аппаратуры, собранной на деталях после тройной и более кратной проверки их качества, но имеющих, как выяснилось, неустранимые дефекты внутренней структуры. Отдельной строкой шло качество бытовой электроники, которое никогда не соответствовало паспортным значениям.

Председатель КГБ Юрий Андропов был в таком шоке, что вызвал конвой прямо в дом правительства, и бывший министр покинул здание в «чёрном воронке». Совершенно неожиданно для всех, новым министром электронной промышленности стал Владимир Сергеевич Михалевич, доктор физико-математических наук и один из пионеров советской кибернетики. И сразу сдвинулась тема с созданием автоматической системы проектирования для КБ Сухого, которую обсасывали со всех сторон уже лет пять, но без движения, и много других тем, включая первое в стране производство тонкоплёночных модулей – предтеч микросхем и исследование самих микросхем, с целью получения технологии их изготовления.

Этими ветрами, производство мотороллеров стартовало быстро, но при этом практически незаметно. А что для авиастроителей, сделать пять штук, примитивных механизмов? Справились за две недели, включая все споры, скандалы и переделки, и, когда в здание выставочного комплекса на ВДНХ приехала комиссия минторга, пред ними выставили в ряд пять разноцветных мотороллеров. Но различались они не только цветом. Присутствовали модели с ручной коробкой скоростей, задним багажным отсеком, коробкой-автоматом и даже с мягкой крышей на съёмных дугах.

Глядя на всё это разнообразие, чиновники от торговли сразу потерялись. Да, техника получилась просто отличная. Но почём её продавать? «Тулы» и «Вятки» стоили в пределах трёхсот пятидесяти рублей, но имели более мощный двигатель. Хотя внешний вид у них совсем неказистый. Эти же мотороллеры выглядели куда более красивыми, удобными и, самое главное, – лёгкими, и должны были по логике министерства стоить не меньше трёхсот рублей. Но всё портил маленький «школьный» двигатель. Техника с таким мотором уже не считалась «взрослой» и должна была стоить как тот же мопед «Верховина» – порядка двухсот тридцати рублей. Министерские чиновники судили и рядили минут сорок, приводя аргументы «за» и «против», пока кто-то не заметил выходящую из зала группу чиновников Минсвязи.

– А вы, товарищи, тоже приехали посмотреть на новинку?

– А что её смотреть? – поднял брови министр Николай Демьянович Псурцев. – Мы уже и посмотрели, и обкатали, и даже опытную партию отдали в работу. Теперь вот подписали с заводом «Кулон» договор на поставку. Будем забирать по пять тысяч ежегодно, а если они всё же расширят производство, то возьмём дополнительно пару тысяч штук в год.

– Николай Демьянович, вы же всё себе забираете. А торговле? – возразил один из минторговцев.

– Вы, товарищи, приехали на полчаса раньше нас и могли подписать всё, что вам нужно. Но вместо этого – спорили и решали, как сделать так, чтобы как можно больше денег досталось министерству. А мне, извините, о почтальонах да о ремонтниках думать нужно. У меня и тех и других больше ста тысяч по всей стране, и практически все передвигаются на своих двоих. Нам такой мотороллер очень к месту будет. Никаких тебе прав – сел и поехал. Всего наилучшего! – министр связи махнул рукой и вышел из павильона.

Ничего этого Виктор не знал, да и не хотел знать. Мотороллер с заводским номером 000001 ярко-рыжего цвета, с перламутровым отливом и двигателем ровно в 49 кубических сантиметров заводские мастера собрали с особым тщанием. Двигатель на смеси бензина и разных присадок развивал вполне серьёзную мощность в шесть с половиной сил, чего хватало для города с избытком. Теперь Николаев здорово экономил время на разъездах по Москве, благо, что пробок в городе ещё не случилось.

Элегантный мотороллер с забавным лисёнком на лицевом щитке, пару раз останавливали гаишники, но заглянув в моторный отсек, видели вполне знакомый им двигатель от мопеда и отставали, удивляясь, что такой моторчик позволяет стартовать чуть не с прыжка. А всему виной было особое топливо и вариатор, спроектированный и выпускаемый на том же «Кулоне». Он давал возможность плавного но стремительного разгона.

А шлем-интеграл Виктор сделал сам, склеив из синтетической ткани на деревянной болванке. Толстое оргстекло купил в магазине «Юный Техник», где торговали остатками и обрезками всяких интересных материалов и согнул по лекалу, разогрев на газу.

Первое время он привлекал внимание, но со временем на улицах Москвы всё чаще начали появляться почтальоны и связисты на таких же мотороллерах, так что новая машинка перестала удивлять прохожих.

Наступил ноябрь, и люди Александра Николаевича Скворцова наконец собрали досье на Николаева, которое генерал теперь читал крайне увлеченно, даже не прерываясь на обед, приготовленный приходящей домработницей.

Читал и не понимал, как такое возможно. Ну ладно, предположим, парень – гениальный боец. Надёргал где-то пособий и учебников (где? каких?) и самостоятельно занимался. Предположим. Похоже на бред, конечно, ну ладно. А вот это его умение работать с радиостанцией... ну, да, тоже объяснимо – не для эйнштейнов машинку делали. Армейский связист – это в лучшем случае десятилетка, а часто восемь классов и ПТУ при сноповязальной мыловарне. Но вот так, слёту, распаковать и включиться в канал – это удивительно, но возможно, конечно. Возможно. Предложения по беспилотнику тактического звена логичны, но... никто в мире такого не делает. То есть совершенно никто. В полной секретности готовят запуск дистанционно управляемого аппарата Луноход. Но парень об этом не мог знать. Сейчас это допуск нулевой группы. А у отца мальчишки только первая группа – «Сов. Секретно». Ну ладно. Предположим, что он вот такой гений и слепил из известных элементов нечто неизвестное. Мотороллер – фигня. А вот его поездки за продуктами – это интересно. И с директором универмага (тот ещё жук), и с азербайджанско-грузинско-армянским интернационалом разобрался моментально. Его, мальчишку и школьника, принимают как своего! Директор вообще считает, что парень – сын кого-то из Минторга, а рыночные жучки уверены, что он рос и вос-

питывался на Кавказе. Это умение везде быть своим, оно явно не взялось само собой. Кто-то его научил, или учит... Может быть тот же, кто учит его искусству боя? Но нет среди контактов парня никого, кто хоть на каплю был бы похож на такого человека.

И вот ещё. Медаль свою не носит. И на седьмое ноября не надел, как в школе ни просили, ни требовали. Объяснил просто. Спросил, за что военруку дали такую же медаль, и тот рассказал, что два часа удерживал немецкую роту, прижав пулемётным огнём. Под артобстрелом. В одиночку. Не чаял выжить, когда подошло подкрепление.

«А я лишь два раза ударил, так что не просите, носить не буду», – так и объяснил пацан. В шестнадцать лет – редкое здравомыслие и ещё более редкое отсутствие тщеславия. Сто процентов парней его возраста с такой медалью даже в сортир ходили бы.

И вот с девчонкой его – тоже непросто. Нашёл себе подругу со второго курса мединститута. Девица жила в общежитии, так этот пострел снял ей квартиру, убедив, что это якобы жильё его родственников, и девушка может в ней жить совершенно бесплатно. Ну и, понятно, захаживает к ней, точнее, заезжает вечерами на час – два. Привозит какие-то продукты, иногда цветы или книги. В общем, с пустыми руками не появляется.

Нет, с этим парнем определённо что-то не так. Но с другой стороны, ведь даже разговор начать не с чего, не придираться.

Люди Александра Николаевича пытались ему подсунуть своих девиц – без толку. А разрабатывать его подругу, пожалуй, опасно – парень может обидеться. А он определённо нужен в хорошем настроении и добром здравии.

Точно в это же время вспоминали о самом Александре Николаевиче Скворцове, причём в самых нелестных выражениях. Юрий Владимирович Андропов листал розыскное дело на некоего Гаранина Игоря Петровича тысяча девятьсот десятого года рождения и не мог понять, почему всесильное КГБ не в состоянии найти этого человека. Фотографий – масса. Отпечатки пальцев – пожалуйста. Психологический портрет, родственники – всё известно, а человека нет, как в воду канул.

– Так может, нет его в живых? – Андропов посмотрел на лучшего сыскаря Комитета полковника Беляева.

– Тогда бы они запустили процедуру смены главы организации, товарищ председатель, – Полковник покачал головой. – Мы отслеживаем пару человек, предположительно связанных с этими людьми. Они вовремя получают деньги и нужные сигналы. Значит вертикаль власти не утеряна.

– Пару человек! – Андропов в сердцах стукнул кулаком по столу. – Из огромной организации! Сколько их вы насчитали?

– По косвенным признакам не менее пяти тысяч. Но это всё вилами по воде писано, товарищ председатель. Их может быть и пятьдесят тысяч, и две тысячи. После войны многие затерялись. Мы так потеряли тысяч десять. Выехали, типа на всесоюзную стройку, и канули с концами. Армейские разведчики, связисты, штабники. Да и потом, сколько специалистов исчезло. У нас статистика по пропавшим словно заговорённая. Раз в пять лет, прыгает вверх тысячи на две – три, и снова уходит до средних значений. Понятно же, что чертовщина происходит. А что сделаешь? Работать не с кем. Одни дубы вокруг. Вон, архив даже взять не смогли. Один человек! Держал штурмовую группу под огнём пока огонь не сожрал всё до пепла, а после – застрелился. И ни клочка, ни крошки не осталось. Всё в прах. А последний случай вообще позорный. В Ставрополе сгорел районный архив по выдаче паспортов за последние десять лет. По сути, нам бы все паспорта из этого района Ставрополя нужно отзывать, объявив недействительными. Мы начали это дело согласовывать, как ухнули ещё три пожара. В Ленинграде, Свердловске и Владивостоке. И всё. Такое количество документов нам не поменять в ближайшие десять лет. И ведь нет никакой уверенности, что именно там выдавали паспорта нашим

потеряшкам. Нам просто обозначили края дозволенного, словно это они хозяева в стране, а не мы.

Полковник давно ушёл, а Андропов всё сидел, глядя куда-то в пустоту. Власть в такой стране, как СССР, не могла быть полной и всеобщей. Вроде бы всеильное КГБ ведь проморгало настроение людей, и в шестьдесят седьмом страну потрянуло по-настоящему. В мае – город Фрунзе, где захватили и сожгли два райотдела. В следующем месяце восстал Чимкент. Поводом были слухи об убитом ментами шофере местного автопарка. У здания УВД собралась огромная толпа, его штурмовали и сожгли. Опять народ разгоняли оружием, в город ввели войска, убито семь человек, ранено пятьдесят. Восемнадцать руководителей восстания арестованы. Прошел всего месяц и крупные народные беспорядки начались в Степанакерте. Восставших было две тысячи человек. Причина восстания – недовольство мягким приговором преступникам, убившим мальчика. Восставший народ отбил осужденных у конвоя и сжег их живьем прямо на улице. При вооруженном разгоне восстания были жертвы. Затем в городе Прилуки восставший народ штурмовал РОВД, по слухам там милиция убила гражданина. В этом случае удалось обойтись без жертв. После громыхнуло восстание в Слуцке. Слуцкие беспорядки начались с уголовного дела об убийстве. Возможно, на происшествие не обратили бы столь большого внимания, если бы не личности обвиняемых. Имя первого – член КПСС Геннадий Гапанович, который до описываемых событий занимал должность завотдела культуры Слуцкого горисполкома. Вторым по делу проходил родственник партийца Леонид Сытько. Как выяснило следствие, апрельским вечером 1967 Сытько и Гапанович, находясь в состоянии алкогольного опьянения, «учинили хулиганские действия» в подъезде одного из домов города. Случайно столкнувшись в подъезде с гражданином Николаевским, они попытались выгнать последнего на улицу, сопровождая свои действия побоями. В результате пьяные партийцы сломили жертве позвоночник, после чего добились его до смерти. Население города было возмущено совершенным злодеянием и особенно тем, что виновником этого преступления является коммунист, депутат, ответственный работник горисполкома. Когда число бунтовщиков выросло до 5 тысяч, волнения усилились. В стены деревянного здания суда полетели первые бутылки с бензином. Здание суда догорало на глазах у пожарных, машинам которых не позволили подъехать ближе. Бесчинствующая толпа встретила их камнями. Головную машину с включенными сиренами таранили брусом, ее водителя тяжело ранили. Следующими были народные беспорядки в Туле. Опять причиной был конфликт с милицией – толпа требовала расправы над сотрудниками милиции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.